

Население деревни Притыки

1869		1905		1925		1963	1969
дворы	человек	дворы	человек	дворы	человек	население	население
46	251	42	241	52	263	128	124

Притыки

О появлении этой небольшой деревеньки и происхождении ее названия в народе сохранилось интересное предание.

Более двух веков назад одна семья Кобелевых однажды по неизвестной причине покинула город Осу и, прихватив с собой домашнее имущество, тронулась в далекий путь. Кобелевы предприняли свое необычное путешествие в лодке, куда погрузили детей и небогатый скарб. Плыли они долго. Сначала их путь проходил через Каму, потом продолжался по Сылве и завершился в низовьях Ирени у села Старый Посад.

Предприняв такое длительное путешествие, пришельцы из Осы оказались без средств существования. Старопосадский поп приютил прибывших у себя в доме. А потом их безжалостно эксплуатировал. Так семья Кобелевых оказалась в кабале.

У попа был надел лесов и земли далеко от села, там, где сейчас деревня Притыки. А обрабатывать землю, убирать урожай, кормить скот нужны были люди. Поэтому поп, не раздумывая, определил семью Кобелевых в поле. Там у священника возле озера было гумно. Озеро до сих пор называют Поповка. Вот здесь, на участке поповской земли, была полевая избушка, в которой и обрела прибывшая семья оседлость.

Сколько было у попа рабочих, нам не известно. Но постоянных жильцов на поле сохранилось немного - только семья новоселов. Постепенно их число пополнялось: росли дети, встав взрослыми, женились, выделялись. Так появились новые семьи, новые избушки, потом улицы, так возникла деревня, которую называли Мухрина. Она входила в церковный приход Старого Посада Степановской волости (ныне село Ленск Кунгурского района).

Новая деревня Мухрина переживала определенные трудности из-за отдаленности от Старого Посада и волостного центра. Жители стали проситься в Ординский приход, под управление Ординской волости. Ходатайство было удовлетворено. Церковь приняла Мухрино в свой приход, а волость — под свое управление. С тех пор примыкаемую вплотную (впритык) к границе деревню Ординское волостное правление стало именовать Притыки, а в церковных книгах она по-прежнему значилась Мухрина.

Ничем не отличалась маленькая деревенька от многих других до Октябрьской революции. Тот же знакомый пейзаж: крепкие избы кулаков с большим хозяйством и захудалые домишки бедняков. Вместо церкви -

часовня, которую аккуратно навещали попы и устраивали церковные обряды, чтобы извлекать дополнительные доходы.

Во время гражданской войны, когда в Орде вспыхнуло кулацкое восстание, некоторые приверженцы старого уходили из Притык на сборище мятежников. Но были подавлены кулацкие мятежи, а летом 1919 года изгнаны из пределов Урала колчаковцы, и Советская власть прочно утвердилась в наших местах.

Началось восстановление сельского хозяйства. Мужики стали поговаривать о социализме, о многополье, о коллективизации. Началась она в Притыках в 1929 году. Не все тогда поняли, что для крестьянина нет более правильного пути, и подались в город. Из Притык 13 хозяйств ушли. Оставшиеся 35 хозяйств вступили в колхоз.

В деревне, как и в ряде других, были приливы и отливы из артели. Но постепенно коллективизация встала на прочные рельсы. Крестьяне обобществляли лошадей, фураж, семена, инвентарь. Притыки и Верх-Кунгур объединились в один колхоз «Правда», где первым председателем был Дмитрий Дмитриевич Шипулин.

Первое время колхозники нередко оглядывались назад, в артельное хозяйство верили плохо, трудовая дисциплина налаживалась медленно, не было опытных кадров руководителей. Враги колхозного строя пользовались этим, портили сельхозмашины, устраивали поджоги собранного урожая. Вначале работать было трудно: землю пахали сохой, сеяли из лукошка, урожаем собирали вручную, хлеб государству доставляли на лошадях.

Но с ростом промышленного производства и с организацией машинно-тракторных станций техническое оснащение колхозов стало расти высокими темпами. Сначала появились конные плуги, молотилки и жнейки, а потом - тракторы и сложные молотилки. При создании политотделов колхозы организационно окрепли. Так из года в год, как по ступенькам, поднималось выше артельное хозяйство до настоящей высоты.

Теперь каждому ясно, что поворотным пунктом в жизни сельского хозяйства стал мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС, который укрепил экономическую мощь наших колхозов. В результате принятых партией мер и наша маленькая деревня Притыки живет полной жизнью. У нас есть красный уголок, труженики деревни все выписывают газеты и журналы, смотрят кинокартины, слушают радио. В дома колхозников пришел достаток. Еще больше перспектив сулит нам новый пятилетний план, принятый XXIII съездом КПСС.

Сейчас деревня Притыки находится в укрупненном колхозе «Правда» и входит в состав Верх-Кунгурского сельсовета.

В. Кобелев, селькор Верный путь. -1966. -13 августа

**Большакова (Кобелева) Мария Александровна, 22.10.1951г.р., д.
Притыки**

Мои родители Кобелевы Александр Афонасьевич, 1903г.р. и Александра Леонтьевна, 1906 г.р. Я была 11 ребёнком в семье, мама родила меня на 46 году. Отец так и называл меня – «заскрёбыш». Детей было много, но многие умирали маленькими. Брат Витя утонул, когда ему было 11 лет. В живых нас осталось только 3 девочки. Родители работали в колхозе. Отец конюхом, мама летом принимала у населения молоко и возила фляги с молоком в Орду. Она была небольшая, а приходилось возиться с флягами. Когда кто-то и поможет сгружать, но чаще приходилось самой. Дома было много скота: корова, телёнок, овцы, поросята, куры. Чтобы всё успеть, мама с отцом вставали в 4 утра. Готовили всё в русской печи. Денег почти никогда не было. Платили мало и почти всё вычитали. Дом был маленький, с нами жила бабушка, иногда ещё и вторая бабушка. Спали в основном на полатах и печи. Начальная школа была напротив нашего дома. Учительница зимой тоже иногда жила у нас. После начальной школы я училась в Верх-Кунгуре. В школу ходили пешком, зимой нас родители по очереди возили на лошади, в коробке. Восемь классов я окончила в 15 лет. Отец очень хотел, чтобы я была учителем. Мама отвезла меня в Суксун в педагогическое училище, я поступила. Но я понимала, что учить меня четыре года будет некому. У родителей пенсия была 12 рублей и 18 рублей. Поэтому уехала к сестре в Челябинскую область.

Воспоминания о родной деревне только хорошие. Несмотря на трудности, все жили дружно. В Притыках был клуб. Мы там танцевали, устраивали концерты, смотрели кино, играли на гармошке, плясали. Было весело.

У моего отца была больная нога, он прихрамывал при ходьбе. Нога всегда была опухшая. Он говорил: «Когда я умру, не хороните меня в лаптях. Я в них находился». Умер на 69 году жизни от инфаркта. Мама хорошо готовила, пекла хлеб в ясли. Однажды утром выпустили корову, а ночью, видимо, ветром оторвало электрический провод. 4 коровы убило током, в том числе и нашу. Для семьи это было большое горе. Немного выплатили страховку, и мы купили тёлку. Когда отец умер, вскоре деревня начала распадаться, и мы забрали маму к себе в Челябинскую область. Она прожила с нами 7 лет, умерла в 77 лет.

Солдатские пуговицы

В 6 классе я училась в Орде. Однажды весной в тёплый, солнечный день мы шли из школы. До фермы нас подвезла попутная машина. Проехав половину пути, мы увидели на обочине дороги блестящую на солнце

большую кучу. Мы решили, что это золото. Когда шофёр нас высадил, не сговариваясь, мы вернулись обратно за «золотом». Какое же было удивление, когда мы увидели солдатские пуговицы. Они были жёлтые, новые, красивые со звёздочками большие и маленькие. Кто их туда высыпал – неизвестно. Мы, конечно, набрали кто сколько смог. Когда принесла их домой и высыпала, оказалось полведра. Потом мама пришивала их везде, в том числе фуфайкам, брюкам. Со временем они потемнели, но всё равно пригодились.

В Челябинске я училась в ГПТУ. После училища работала на заводе ТТК (точных технических камней). Этот завод в 1942 году эвакуировали из Ленинграда. Там работали около шести тысяч человек. Эти камни требовались для часов и разных приборов. Камни были очень мелкие, изготавливались из рубина. Я работала в ОТК контролёром. Работа была чистая, в белых халатах. Проработала там 35 лет, до пенсии. Я ветеран труда Челябинской области. С мужем счастливо прожили 54 года. Недавно его не стало. У нас две дочери, 4 внуков и 2 правнуков.

Фото из архива Большаковой (Кобелевой) М. А

Кобелев Сергей Петрович, д. Притыки, 29.09.1942г.

Моя судьба не так проста,
К бумаге тянется рука,
Чтоб описать мой жизни путь,
В воспоминаньях всё вернуть.
Мои друзья, вы где теперь?
Нас жизнь по свету разбросала,
И мы не виделись давно...
А вот бы всё начать сначала!

Через деревню Притыки проходило 8 дорог до ближайших населённых пунктов, расположенных на расстоянии около 5 км. Считалось, что в трёх верстах. Это Верх-Кунгур, Мокрое поле, Климиха, Хорьки, Бурмасы, Подавихи, Пискуны, Епиши и, конечно, Орда. Основными дорогами были Ординская и Верх-Кунгурская – там находилось правление колхоза «Правда» и начальная школа. По Климихинской дороге ездили в Орду жители Ашапа, Красного Ясыла и других деревень. Бурмасовской дорогой пользовались жители Павлово и Карьёво. Так что через Притыки в то время проходило много подвод, особенно в воскресенье и праздничные дни. Деревня была кругом огорожена, и в детские годы мы любили по воскресеньям открывать ворота проезжающим через деревню на подводах на базар или в магазин из Павлово, Бурмас, Ашапа, Климихи, Хорьков. За это нам давали кто конфету, пряник, кто 5 копеек, а некоторые для смеху расплачивались папиросами, сигаретами.

Около Притык, к сожалению, не было речки. Зато в самой деревне было пять небольших озёр. Из одного, под названием Петрунино, брали воду для питья и приготовления пищи. В деревне было 14 колодцев глубиной 10-15 метров. А в Подсоснах не было. Пили из озера Петрунино. Председатель колхоза Кротов В.А. создал пасеку в этом микрорайоне деревни. Уже позднее пчеловоды решили пробурить скважину. Вода появилась на глубине 70м! Она была очень жёсткая и для приготовления пищи не использовалась.

Вокруг деревни, поблизости, были озёра Круглое, Кобылье, Кулига, Рыбница, Старое Мочище (в нём мочили кору липы для мочал и лён, коноплю для изготовления верёвок), Поповка. Немного подальше находились озёра Барниково, Якунечкина-Ванечкина ямочка. Во всех озёрах водились золотистые караси. В настоящее время многие из них зарастают, превращаются в болота, мелеют. Особенно в последнее время из-за жаркого лета и засухи. Деревня расположена так, что ближайшие леса находятся не далее одного километра. Там всегда было и есть много разных грибов, ягод. У каждого лесного массива своё название: Сметники, Погадаи, Горелое, Березники, Одина, Дубровское, Жоганок.

Деревня была разделена на околотки: Богатый околоток, Бараба, Подсосны (там росли 2 громадных сосны). Соснам примерно было около 300 лет. Одна из них в объёме около 4 метров. Её могли обхватить руками трое взрослых людей. Стояла в деревне часовня, там по праздникам проводились богослужения. Как и во всех деревнях имелась пожарка, где стояла телега с большой бочкой для воды, ручным пожарным насосом и конской упряжью, обломок чугуна (лемех, кусок рельса) для оповещения населения на случай пожара. Были также фермы, конный двор, кузница, столярка, овощехранилища, сушилка «Гоголь» и старая сушилка для зерна, где вместо пола было железное дно, а под ним находилась печь, топившаяся дровами. Было несколько небольших амбарчиков для зерна. Из одного колхозникам иногда выдавали продукты: летом - мёд, карпа из Верх-Кунгурского пруда. В колхозе было четыре пчелопасеки. Продукты выдавались по ведомости в зависимости от количества заработанных трудодней. Такая оплата труда существовала в колхозе до 1960 года. Бессменным кладовщиком был избраненный фронтовик Кузовлев Егор Иванович. Ходил всегда с большущей связкой ключей на поясе от всех амбаров. В большом (основном) амбаре хранили зерно и семена. Сеяли тогда рожь, пшеницу, овёс, ячмень, гречу, горох, вику, лён, коноплю. У этого амбара был пристроен навес, покрытый железом. На него с помощью приспособления, называемого «журавлём», поднимались мешки с сырым зерном для сушки на солнце. Кроме амбаров строились так называемые токи, крытые соломой, где также складировали зерно, которое, чтобы не грелось, часто перелопачивали деревянными лопатами. Очищали зерно от мусора, семян сорняков ветрогонками, называемыми «клептонами». Они приводились в движение с помощью рукоятки, которую крутили 2 человека. Ещё один человек насыпал зерно в засыпной бункер металлическим совком – плицей, другой отгребал просеянное зерно.

Уборку зерновых на полях проводили в основном вручную. Жали серпом, вязали снопы, составляли их в суслоны прямо на поле. Потом эти суслоны с полей свозили на лошадях и скирдовали в одном месте, часто у токов в большие стога – скирды. Поздней осенью или зимой с помощью прицепных молотилок от тракторов колёсных ХТЗ проводили обмолот. Для уборки применялись и конные жатки-лобогрейки, после которых женщинам оставалось только связать кучки зерновых, что, конечно, было более производительнее и легче, чем ручная жатва. Позднее уже пришла на колхозные поля техника, в том числе комбайны «Коммунар», «Сталинец». В то время сенокосную пору и уборку не зря называли не иначе как «страда». Так тяжёл был ручной труд. Заготовку кормов также производили вручную: косили, сгребали сено, укладывали в стога. Из техники были конные косилки и грабли. Весной до начала сенокоса проводилось силосование. Для этого вокруг деревни обкашивались все неудобные места, крапива, лебеда и другие

сорняки на зелёную массу. Скошенную зелень на лошадях свозили к специально вырытым вручную круглым ямам, глубиной до 4м и до 8-10 метров в диаметре. Закладывали измельчённую зелёную массу с помощью силосорезки, также приводимую в работу трактором ХТЗ. Для трамбовки массы в яму спускали на вожжах лошадь покрупнее, завязывали ей глаза и мальчишки гоняли по кругу целый день, а сверху сыпалась измельчённая масса. Пока яма не заполнится доверху, никуда не уйдёшь. Пить захочешь – подадут сверху. Ямы эти располагались вблизи от ферм. У нас в бригаде было пять таких силосных ям.

Затем начинался настоящий сенокос. Отбирались для кошения неудобницы логов, ям, небольших полей в лесу. Звено из 10-15 наиболее молодых, крепких женщин в течение месяца, а то и больше, косили вручную. Чтобы узнать, как это целый день махать косой, надо попробовать самому. Мне однажды это удалось. Году в 1969 приехал к маме в отпуск. За завтраком она то ли в шутку, то ли всерьёз сказала: «Сходил бы ты, сынок, сегодня за меня на покос, дел дома много накопилось, да и устала я что-то». Конечно, я согласился. Женщины встретили меня шутками: мол, посмотрим-посмотрим, какой из тебя работник! Поставили меня впереди вести за собой всех косарей по покосу. Ну, думаю, не ударить бы лицом в грязь. Прошли один прогон, второй. Прогонны почему-то становились всё длиннее и длиннее для меня. Казалось, что коса плохо идёт, что-то в боку начало покалывать, руки одеревенели. Короче, спёкся я. Попросил поставить меня в конец, чтобы пятки не подкосили. Посмеялись, но просьбу исполнили. Едва я в тот день доплёлся до дома. Спросил маму, как она может участвовать в такой работе.

-Ничего, привыкли,- ответила она. -Завтра уже больше тридцати дней подряд всё косим.

Большие поляны косили на лошадях конной косилкой.

Сейчас на память попробую дать краткую характеристику запомнившихся семей, проживающих в 40-60-е годы. В то время в деревне было около 30 домов.

Кобелев Дмитрий Дмитриевич, его жена Анфиса Кузьмовна и дети: Леонид, Анна, Людмила, Рая. Отец семейства был отменным весельчаком, шутником. Хорошо играл на балалайке, напевал разные частушки.

Кобелев Василий Степанович, жена Анна и дети: Павел, Сергей, Мария. Сам Василий Степанович воевал в Первую мировую войну, попал в плен, находился в Германии несколько лет. Вернувшись домой, удивлял всех тем, что мог разговаривать по-немецки. Мы, школьники, проходя около его дома, пытались говорить с ним на немецком языке. Он охотно вступал в разговор. Был постоянным селькором районной газеты «Ударник», писал разные статьи и заметки. На всех колхозных собраниях активно участвовал: выступал, критиковал, предлагал. Долгое время работал продавцом, торгуя из своего

большого амбара, так как помещения под магазин или киоск не было. Первый ларёк колхоз построил в 1949 или 50-м году. Там он вначале и работал.

Кобелев В.С. 2 слева, Кобелев А.И. 4 слева. Фото из архива Кобелевой В.А.

Кобелев Александр Иванович, жена Васса и дети: Валентина, Руфина, Людмила, Мария, Люба, Михаил. Глава семьи фронтовик, инвалид. Была повреждена левая рука. Кавалер ордена Боевого Красного Знамени, имел медаль «За отвагу». Более 30 лет работал бригадиром притыкинской бригады колхоза «Правда». Жена Васса рано умерла, в 1959 году. Старшие дети были уже взрослые. У него на руках остались младшие Люба и Михаил, которому исполнилось шесть лет. Александр Иванович женился второй раз на Ольге из Пискунов.

Кобелев Александр Николаевич, жена Татьяна и сын Евгений. Александр воевал с японцами на Халхин-Голе. После ранения потерял почти всё зрение, был инвалидом 1 группы по зрению. Однако все домашние дела выполнял сам: рубил дрова, косил, строил хозяйственные постройки. Отличался недюжинной силой и упорством. Я, будучи двенадцатилетним подростком, в 1954 году помогал ему в строительстве пристроя к их небольшой избушке на два окна на дорогу. Вез из леса на лошади брёвна. Он сам со мной ездил в лес, грузил тяжеленные брёвна на телегу, сам шёл пешком. С женой Татьяной познакомился в госпитале, где лечился после ранения. Она работала санитаркой. В колхозе Татьяна была заводилой, ударницей, звеньевой по выращиванию льна.

Кобелев Пётр Иванович, жена Мария, дети: Евдокия, Анна, Александра, Александр. Семья по тем временам была очень образованной. Дочь Александра Петровна была учительницей в Верх-Кунгурской школе, и мне даже посчастливилось один год учиться в её классе. Сын Александр окончил Пермский госуниверситет и потом преподавал там. Отец семейства Пётр

Иванович, высокий, широкоплечий, с аккуратной большой бородой, напоминал нам русского богатыря из былин – Илью Муромца. Отличался большой добротой, справедливостью, желанием оказать помощь бедным семьям. Сам работал столяром, плотником в столярке. Эту его доброту я испытал на себе. Чтобы помочь маме в заготовке кормов для единственной нашей кормилицы – коровы, я вместе с друзьями ходил в лес, мы ломали веники, рвали траву. У ребят были небольшие тележки-тачки с одним колесом, и они возили веники на них. Я один носил на верёвке через плечо. Конечно, уставал очень и завидовал друзьям. Отца у меня уже не было, умер, когда мне было шесть лет с небольшим. Мама одна воспитывала пятерых детей. Пётр Иванович, увидев меня с такой ношей, позвал к себе в столярку, где, к неопишуемой моей радости, вручил новенькую, собственноручно сделанную тачку. Запомнился и другой случай. Мы, ребяташки той послевоенной поры, в Рождество бегали по домам и славили, то есть пели о Рождестве. Кто-то угощал стряпнёй, пряником, конфетами, кто-то давал денег мелочью 10-20 копеек. Отславили в доме у Петра Ивановича. Он вышел из комнаты, погладил меня по голове и вручил хрустящую бумажную денежку, аж целых 3 рубля.

Кобелев Александр Афанасьевич, жена Александра, дети: Галина, Нина, Мария. В деревне Александру называли ласково Санушкой. Александр Афанасьевич – добрейшей души человек - работал постоянно конюхом. Мы, ребяташки, в летние месяцы наперебой бежали утром на конный двор, узнавали, что нам поручат делать: возить навоз на поле или копны сена на сенокосе, идти на прополку посевов, что, кстати, не очень любили. И тут Александр Афанасьевич был нам и другом, и наставником. Помогал поймать лошадь в стойле, запрячь её в телегу. Строго следил, чтобы вначале сняли колёса с телеги и смазали оси. А вечером после работы, к большой нашей радости, отправлял нас искупать в озере лошадей. Жена его была разнорабочей в колхозе. Лучше её никто не мог так хорошо и аккуратно сметать стог или зарод большой сена, соломы, стоя наверху. Увидев эти стога, люди между собой переговаривались, что это уж точно её работа.

Кобелев Александр Андреевич – участник Первой мировой войны, инвалид. Жена Настасья рано ушла из жизни. Своих детей не было, и он всё внимание уделил крестнику - Чупину Василию Андреевичу, который звал его кокой. Позднее у Александра Андреевича родились дети: Нина, Александр.

Кузовлев Фёдор Никонорович, жена Любовь и дети: Вячеслав, Алексей. Фёдор Никонорович - участник Великой Отечественной войны, инвалид. Любовь была отменная затейница, запевала, заядлая картёжница. Карты были всегда при ней. Очень любила шутить и разыгрывать людей.

Шляпников Прокопий Степанович, жена Аграфена, пятеро детей: Анна, Николай, Саня, Михаил, Вера. Хозяин дома был фронтовиком, работал в колхозе кузнецом. Вся немудрёная техника, нуждающаяся в ремонте,

проходила через его руки. Конные косилки, грабли, жатки, плуги, бороны благодаря его труду и умению всегда были в исправном состоянии. Ковал лошадей.

Кобелев Пётр Степанович, жена Елена, дети: Николай, Клавдия (от первого брака мужа), Иван, Михаил, Мария. Елена в свидетельстве о рождении записана почему-то «Евгения». Пётр Степанович – фронтовик, трудился в колхозе разнорабочим, позднее - продавцом в небольшом магазинчике. Жена работала заведующей яслями, которые открывались в летний период. Дети окончили Пермский медицинский институт и работали в г. Кирове.

Кузовлев Егор Иванович – инвалид Великой Отечественной войны, жена Анна и пять детей. Егор Иванович работал постоянно кладовщиком и учётчиком всех семян, фуража и продуктов. Работал и конюхом. Спокойный всегда, вежливый, все относились к нему с большим уважением. Жена трудилась разнорабочей. Старшие дочери Кузовлевых жили в Кунгуре. Сын Анатолий всю жизнь проработал в колхозе «Правда» трактористом, шофёром. Дочь Нина - бессменная доярка.

Кобелев Пётр Александрович, 1887 года рождения. Мой отец. На фронт не попал по возрасту. С первой женой Настасьей у них было двое детей. Сын Иван работал учителем русского языка и литературы в школе села Ленска, дочь Анна - в колхозе «Правда». После смерти жены в 1935 году Пётр Александрович женился на Елизавете Степановне. Оба трудились в колхозе «Правда» разнорабочими. У них родилось пять детей: Мария, Шура, Анна, Вера и Сергей (автор этих строк). В 1949 году отец простудился и умер. Мама осталась одна с пятью детьми. Старшей дочери было 10 лет, младшей – 1,5 годика, сыну 6 лет. Два раза приезжали, чтобы забрать детей в детский дом, но каждый раз мама отказывалась.

Шляпников Григорий Андреевич, жена Мария и дети: Леонид, Валя, Тоня, Николай, Клава. Он фронтовик, долгое время работал учётчиком тракторной бригады. Каждый день принимал у трактористов выполненную за день работу, замеряя «саженью», или попросту мерой, сколько вспахано, заборонено, посеяно. Первый в деревне купил велосипед на зависть нам, мальчишкам. Позднее работал бригадиром притыкинской бригады. Спокойный, уравновешенный, вежливый, пользовался большим авторитетом и уважением. Жена трудилась в колхозе разнорабочей. В зимнее время часто отправляли на лесозаготовки в Боровск, Соликамск на 2-3 месяца.

Кузовлев Иван Кузьмич, жена Мария. Воспитали 10 детей. Он механизатор. До выхода на пенсию работал механиком Верх-Кунгурской бригады. Мария работала дояркой, телятницей, на разных работах.

Батуев Иван (по паспорту Трофим), жена Елизавета, дети: Клавдия, Алексей, Люба. Был разнорабочим в колхозе, мастером-самоучкой на все руки. Плотник, столяр, отличный печник, пчеловод. Копал колодцы глубиной

до 20м. Осенью ходил по деревне и нанимался на забой любого скота. В одиночку взамен старого, развалившегося дома с нуля построил новый дом. Елизавета работала на разных работах, была кладовщиком, бригадиром бригады.

Кузовлев Вячеслав Фёдорович, жена Ефросинья Павленко из переселенцев с Западной Украины. Вячеслав Фёдорович начал трудиться с 12 лет в колхозе на разных работах. Люди говорили, что когда пахал на лошадях, его из-за плуга было не видно. Косил на конной косилке, жатке, метал сено в стога, складывал скирды из снопов ржи, пшеницы. Много лет пас колхозные стада коров. Шутник, балагур, частушечник. О нём даже писали в районной газете «Ударник», правда, называли не пастухом, а по-модному – гуртоправом. Жена Ефросинья Кирилловна около 40 лет отработала дояркой. Много лет подряд была лучшей дояркой не только колхоза, но и всего района. Имела самые высокие надои – до 3500 литров. Порода коров была не чёрно-пёстрая, а ещё красной масти – «Суксунская».

Чупины Андрей Иванович, Анна Дмитриевна с сыном Василием.
Фото из семейного архива Чупина В.А.

Кобелев Андрей Иванович, жена Анна и дети Андрей (от первого брака), Василий. Приехали в Притыки из Бурмас в 1953 году. Андрей Иванович был там председателем колхоза «Имени Будённого». Фронтовик, после мобилизации работал в деревнях Епиши и Пискуны. Отличался активной жизненной позицией. На всех

собраниях, сходах выступал с критикой, давал дельные предложения по организации работы колхоза. В колхозе «Правда» работал зав. фермой, бригадиром. Столярничал, делал мебель. Жена Анна была разнорабочей. Сын Андрей, впоследствии, работал директором Ординской средней школы. Второй сын, Чупин Василий Андреевич, полковник в отставке, после выхода на пенсию работал в администрации Ординского района.

В 1963 году в деревне проживало 128 человек. Сегодня в Притыках живёт одна семья Кобелевых и стоят 8 домов дачников из Орды. Их владельцы занимаются летом пчеловодством.

После войны в 1949-50гг в деревню приехали выселенные семьи с Западной Украины и поволжские немцы.

Кирильчук Федора с четырьмя детьми Марией, Феней, Дмитрием, Михаилом. Мне запомнилась хорошо мать Федора. Придя к нам для знакомства, она говорила громко, с сильным украинским акцентом, мешая украинские и русские слова. Меня назвала хлопчиком и угостила томатом (красным помидором). Мы их и не видали тогда, в деревне их не разводили. Мне он не понравился – кислятина какая-то. Дочери были отменными певуньями, особенно Феня. Дмитрию было лет 15-16, Михаилу – 13. Стали они вместе с нами ходить в Верх-Кунгурскую начальную школу. Дмитрий в 1-й класс, а Михаил во второй. Дмитрий проучился немного, забросил учёбу и стал работать в колхозе. Михаил учился с нами до 5 класса.

Павленко Ефросинья Кирилловна. Её мать с дочерью Фросей и сыном Марком с Украины отправили в Пашию, а младшую дочь Машу определили в детский дом. В Притыки Фрося приехала с матерью, вскоре её похоронила. Марк определился в Кунгуре. Маша окончила медучилище и тоже жила в Кунгуре.

Анна Пяста, сын - Богдан.

Семья Ралец. Мать, дети Елена и Иван. С Иваном мы учились до 7 класса.

Элемберг Александр с женой и сыном пяти лет, тоже Александром. Отец работал в колхозе, был даже заведующим фермой.

Кайзер Леонид с семьёй.

Семья Федосовых. У них была дочь Нина пяти лет.

Были и ещё семьи. Колхоз помог им с лесом, другими строительными материалами. Они построили 8 новых небольших домиков. Семьи Элемберг и Федосовых отремонтировали старую часовню и поделили на две квартиры. Прожили они недолго, им разрешили вернуться на свои бывшие места проживания. Что они и сделали. Домики, построенные ими, остались, а часовню отдали под местный клуб.

Детство

Родился я в сентябре 1942 года. Отцу, Кобелеву Петру Александровичу, было 56 лет, и на фронт его не взяли из-за возраста. Работал в колхозе. Моей матери – Кобелевой Елизавете Степановне – исполнилось 39 лет. В 1949 году отца не стало – простудился на лесозаготовках. Остались мы, пять ребятшек, старшей сестре 10 лет, младшей – полтора года, с мамой. Сполна познали и голод, и нужду. В

Кобелева Елизавета Степановна с детьми. 1945г.

военное время и после войны таких семей было немало. Надо отдать должное тогдашним руководителям колхоза Шипулину Я.Д. и Шустикову Д.И. Колхозом была организована касса помощи таким многодетным семьям. Давали муку, крупу, мясо. Весной и летом спасал от голода подножный корм: грибы, ягоды, горькая редька, кислица, пистики, лебеда и др.

Вспоминается случай. Я с другом детства Кобелевым Иваном весной пошли за горькой редькой (горьчушками). Было нам по 6-7 лет. Встретили подругу моих сестёр Машу, которой тогда было 9-10 лет. Узнав, куда мы идём, сказала, что далеко ходить не надо, вон она растёт поблизости, на пустыре заброшенной усадьбы. И указала на растения, очень похожие на горькую редьку. Мы попробовали – понравилось. Правда, на вкус растение было сладковатым. Это была ядовитая трава белена. Друг поел немного, я – от души. Вечером Ивана стошнило, а у меня начались галлюцинации, стал говорить несуразицу. Родители перепугались, привезли врача из Верх-Кунгура. Поставив укол, он велел утром ехать в Ординскую больницу. Я никого не узнавал, всё что-то мне казалось. Уже в Орде после уколов, осмотра врач мне выписал таблетки и вечером отправил домой. Видимо, не зря, когда человек несёт ерунду всякую, в народе говорят: «Ты что, белены объелся?» Позднее, в минуты стресса, у меня проявлялись приступы неуправляемости. И в школу я пошёл только 9 лет.

Школы в деревне не было, и мы ходили пешком в Верх-Кунгурскую начальную школу. Считалось, что это недалеко, всего-то 3 версты! Действительно, это было чуть меньше 5 км. В школу нас ходило ребятшек 15. На дорогу тратили не менее 2,5 часов туда и обратно. По пути из школы «перекусывали» на ферме, где содержались коровы, телята. Для животных около фермы садили репу, турнепс, капусту. Вот мы и пользовались этим. В зимнее время родители по очереди возили нас на лошади. На сани ставили большой, плетёный из черёмуховых ветвей, короб. Это такая огромная корзина. Сверху покрывали рогожей, сделанной из мочала, изготовленного из липовой коры. Получалось что-то наподобие полога. Конечно, сквозь щели в коробе продувал ветер, но всё же казалось, что так теплее. Позднее, классе в 4, нам доверяли самим управлять лошадью, без родителей.

С марта месяца мы в школу уже снова ходили пешком. Распутица. Везде вода, бегут маленькие и большие ручьи, так что и в сапогах невозможно перейти. А я один в лаптях через большие ручьи своих одноклассниц Люду и Машу Кобелевых переносил на закрошках. Простудил ноги и перестал ходить в школу. Лежу утром на полотах (настил из досок, сделанный около потолка), слышу, заходит Кобелева Васса, по-деревенски Васена, жена бригадира. Спрашивает маму: «Где парень-то у тебя? Девки сказали, что в школу не ходит». Даёт маме денег 100 рублей, чтобы та купила мне кирзовые сапоги в ларьке.

-Когда сможешь отдать долг, тогда и ладно, и не отдашь – тоже.

А у самой Вассы 6 детей. До сегодняшнего дня благодарен ей.

В это трудное, голодное послевоенное время помогали жить и выживать доброта, сочувствие, неравнодушие, взаимовыручка. Помню, что в 1947 году я ещё посещал ясли. Заведующей была Кобелева Парасковья. Часто в ясли приходила её пятнадцатилетняя дочь Лина, играла с нами, развлекала. Моему другу Ване родители купили матроску с бескозыркой. Ну, очень красивую! Я так завидовал! Знал, что даже мечтать не могу о ней. В доме беднота была страшная, отец болел, а у мамы все думы про то, как прокормить пятерых детей. О моём неподдельном горе узнала Лина. Однажды вечером завела к себе домой и, к большой моей радости, подарила мне новенькую матроску.

Учился в школе я хорошо. Был отличником по всем предметам, кроме пения. Разучивали песни: «О Щорсе», «По долинам и по взгорьям», «Прокати нас, Петруша, на тракторе», «Тень-тень-потетень», «Жили у бабуси два весёлых гуся» и другие. К годовщине Великого Октября разучивали гимн страны. Каждый должен был на уроке спеть по куплету на оценку. Дошла очередь до меня. Я растерялся, забыл слова первого куплета и громко запел: «Гимн Советского Союза». Все ученики вместе с учительницей громко засмеялись. После этого случая я перестал петь. Елена Дмитриевна, бывало, оставит меня после уроков и пытается заставить хоть что-нибудь спеть. Ну, никак! Посмотрит на меня: «Ладно, иди домой. Поставлю четвёрку, чтоб хоть хорошистом был». На новогодней ёлке мне за хорошую учёбу, а может ввиду нашей бедности, подарили материю на рубашку. Но дома, посоветовавшись, решили сшить кофточку старшей сестре. Ей было 14 лет, и она уже работала телятницей. Рубашку новую мне сшили позднее из другого материала.

До 4 класса я, единственный один из одноклассников, ходил в лаптях (это обувь, сплетённая из липовой коры, лыка с верёвочками для крепления к ногам). Весной и осенью они сразу промокали, и ноги были всегда сырые. На парте за мной сидела девочка старше меня года на два (оставалась на второй год). Во время урока я решил переобуться, развязал оборы. Девочка мне мешала и я, сняв мокрый лапоть, ударил её по лицу. Врачи предупреждали, что у меня после отравления беленой могут быть нервные срывы, которые впоследствии должны исчезнуть. Когда я успокоился, мне, конечно, было стыдно. Учительница Елена Дмитриевна Колесникова решила наказать меня и поставить в угол. Но я так уцепился за парту, что она не смогла оторвать меня и утащила в угол вместе с партией, отгородив от класса доской. Так я и сидел там до конца уроков.

Отравление беленой сказилось не только нервными срывами, но ещё и тем, что я мог предсказывать некоторые события. Одни случаи я помню сам, о многих рассказала мама. Повели нас из детского сада на экскурсию на сенокос, где работали родители. Июль, жара, время обеда. Все отдыхают, а я тормошу и прошу маму идти домой, потому что сейчас будет падера, нападёт много снега. А дома не закрыты в загон куры и цыплята. На сенокосной

поляне не видно из леса надвигающейся тучи. Мои слова вызвали громкий смех. Ещё не закончился обеденный перерыв, как налетел сильный ветер и выпал снег. Замело всю поляну.

А вот другой случай. Мамин брат находился после войны в плену в Германии. Мама смотрит на фотографию его и плачет. Мне её стало жалко и, чтобы успокоить, говорю: «Не плачь, в марте вернётся!» Она махнула на меня рукой – не болтай! Он действительно вернулся в марте этого года. Что это было? Не знаю.

Главная кормилица в доме была корова. Покосов не было, да и косить для своего хозяйства разрешали только после уборочных работ – осенью. Заготовливали веточный корм, косили молодую осоку, полевую ромашку в логах, крутых ямах. Носили эти вязанки из травы на верёвочке через плечо. Делалось это вечером после работы, ходили всей семьёй. На каждую корову спускали налог. Нужно было сдать государству 300 литров молока. В 1948 году у нас было невыполнение налога, так как корова доила мало и на пятерых детей не хватало. Пришла комиссия, и увели корову. Мы все смотрели из окна и горько ревели. Отец в это время уже тяжело болел и находился в Орде в больнице на лечении. Там в больнице взялся перестилать полы. Главный врач выдал ему аванс, которым отец оплатил долг. Через несколько дней привёл нашу кормилицу обратно домой к большущей нашей радости. Через полгода отца не стало.

Уже где-то в 1957 году мы заготовили с сестрой в лесных ямах травы и после работы поехали за ней на лошади. Всегда в таких случаях домой старались возвращаться позднее, чтобы не попасться начальству на глаза. А в этот вечер в деревню привезли кино, пропустить нам его очень не хотелось. Выехали из леса не дожидаясь темноты. Дорогой нас обогнали председатель колхоза Овчинников Ф. с партторгом - возвращались с собрания из Бурмас. Остановили нас со словами: «Колхоз ещё не закончил уборку, нельзя для себя косить!» Приказали сдать сено на конный двор. Что мы и сделали. На наше счастье, бригадир Шляпников Г., оказавшийся в это время на конном дворе, велел лошадь выпрячь, а сено не сваливать. «Придётся ночью и увезёте сено домой», - сказал он. Очень благодарны мы были ему. В то лето мы с сестрой Анной заработали более 200 трудодней. Анна после курсов пчеловодов на центральной пчелопасеке помощником работала, а я все летние каникулы работал в колхозе. Осенью получили на трудодни целый воз зерна. Очень были рады, особенно мама.

Второй трудной работой, после сенокоса, была для нас заготовка дров на зиму. Делалось это обычно ранней весной до начала полевых работ. Ещё снег не везде сойдёт. Всё вручную, бензопил тогда ещё не было. В начале лесник отводил делянку, выписывал билет на 4 сажени - это 10 кубометров. Объяснял правила рубки. Чтобы пеньки были невысокие, весь хворост и ветки от деревьев были собраны и сожжены. Обязательно заставлял собрать

на делянке весь валежник и сухие деревья. Дрова в лесу сразу же кололись и складывались в поленницы, за лето они подсыхали, а вывозились уже осенью по талому снегу. На всех делянках было чисто. На этих вырубках всегда было много земляники. Мы собирали, часть носили в Орду и продавали стаканами по 10-15 копеек. Таким образом зарабатывали денег на учебники.

Нас с детства приучали к посильному труду. С ранних лет деревенские ребяташки выполняли мелкие работы по хозяйству: прополка, полив овощей в огороде, уборка по дому. Посылали со взрослыми пасти частный скот, его тогда было много. Только коров было около 25 голов, да коз и овечек в каждом дворе по дюжине. Часто мы нанимались пасти этот скот за других за небольшую плату. Платили, как правило, продуктами. Денег у колхозников в наличии не было. Работали ведь за трудодни. Ребята рано начинали работать и в колхозе. Сначала на прополке яровых посевов, потом заготавливали веточный корм (веники), в колхозе имелись большие овцефермы. На сенокосе возили копны сена на волокушах, девчонки сгребали граблями сено в валки. Весной участвовали в вывозке навоза со скотных дворов в поля. Утром рано бежали гурьбой на конный двор, хотели, чтобы конюх выдал тебе лошадку порезвее, чтобы телегу выбрать получше. Тщательно смазывали телегу тележной мазью. После работы ездили верхом искупать лошадей в озере. Интересные были клички у лошадей: Ёлка, Малинка, Запас, Буско, Горин, Доля, Векша, Волынка, Ижица, Брошка, Ешко, Баян, Моряк, Руслан, Грузовик и другие. Если наши матери жали серпом рожь, пшеницу, то в наши обязанности входило собирание снопов по жнивью, ставить их в суслоны, которые позднее свозились с полей к токам на лошадях и складывались в большие скирды. Их обмолачивали уже зимой молотилками. Помогали рвать лён, которого тогда сеяли много, только в нашей деревне по 20-30 га.

Когда чуть повзрослели, нам стали доверять более ответственные работы. Подавали сено деревянными вилами на большие стога. Нравилось, и было престижно грести сено конными граблями. На уборке зерновых за нашей бригадой был закреплён комбайн «Коммунар», буксируемый колёсным трактором ХТЗ (Харьковский тракторный завод). Постоянным комбайнёром была добрейшая Занина Анна. Она брала нас с другом на соломокопнитель, и мы целыми днями ездили, дёргали за верёвку, сваливая солому ровными рядами на поле. Став посильнее, мы с большой охотой участвовали в вывозке зерна в мешках от комбайна на лошадях. Чтобы мы не перегружали лошадь, выдавалось только по 10 мешков, и воз был не более 5 центнеров. Так как мы между собой вели негласное соревнование, кто за день вывезет больше зерна, то старались схитрить и выбирали утром на складе мешки побольше. Конечно, грузить их было тяжелее. Если не успеешь подъехать на лошади к зерновой площадке, где девчата кантарили в мешки зерно, то они сбрасывали их на землю. Вот тогда силёнки не хватало поднять их на телегу.

Приходилось вначале подтащить мешок к колесу, затем на ступицу и перевернуть на телегу. Затаскивали мешки с помощью возжей. То есть вначале нужно погрузить 10 мешков, а это около 500 кг. При приезде на зерноток все мешки стаскать и положить на весы, потом снова отнести на ворох зерна. Таким образом, за одну поездку приходилось перегрузить 500 кг. три раза. За день делали до пяти поездок к комбайну. Всего за день перекидывали около 6 тонн зерна. Уставали страшно, но всё равно нравилась эта взрослая работа, да и друг перед другом кичились. Очень нравилось отвозить хлеб по хлебосдаче на Кунгурский элеватор на автомобилях. Там машина заезжала на эстакаду, открывали борта и плицей сгружали. А дальше самое волнующее - поездка домой в кабине рядом с водителем.

Соревновались между собой и с учениками Ординской школы. В сентябре подводились итоги, кто больше всех заработал трудодней. Для этого старались в летние каникулы работать как можно больше дней. Помню, мы с другом Иваном вышли на работу даже 31 августа. Завтра в школу идти, а мы с ним на машинах равняли силосную массу подсолнечника, а потом вилами скидывали в силосную яму. Это было уже в 1959 году. Тогда я заработал больше всех. В благодарность за хорошую работу в колхозе и учёбу получил от райкома партии пригласительный билет занять место в президиуме на совещании, посвящённом Дню Конституции в Доме культуры. Не скрою, было очень приятно, был горд этим.

Детские игры

Чупин Василий, Кобелев Пётр

Нас не баловали разными мероприятиями. Не везде ещё было радио. Электричество появилось в конце 50-х годов. Досуг организовывали сами. Я стал организатором, наставником, воспитателем всех местных ребятшек – это Чупин В., Кавардаков В., Кузовлев В., Шляпников Л., Батуев П., Кобелевы Михаилы, Кузовлев П. и другие. Они были младше меня на 5-6 лет, из ровесников был друг Иван. В какие игры мы только не играли: в прятки, войнушки, лапту, чижика, ножички. Играли в волейбол, футбол. Приглашали ребят из другой деревни на игры. Много занимались спортивными играми. Купили гранаты, диск, копё. Изготовили стойки для прыжков в высоту, выкопали в песке яму для прыжков в длину. Плавали наперегонки

через озеро Поповка. Каждое утро, вечер занимались метанием, прыжками, обязательным было подтягивание на турнике - норма от 8 до 15 раз. И так каждый день. Благодаря этому я в 10 классе на районных соревнованиях показал лучшие результаты в метании гранаты, диска, толкании ядра. Позднее чемпионом района стал Чупин Василий. Между нами был заключен договор – не курить, не сквернословить.

Я запомнил, как в детстве мама узнала от сестры Анны, что я начал курить со старшими ребятами. Вечером за скромным ужином к чаю всем сёстрам выдала по несколько конфет «подушечек». Спросил: «А мне?» Мама сказала: «Зачем тебе конфеты? Ты же у нас покуливаешь, что-то одно выбирай». Вот я и выбрал конфеты.

1970г. Футбольная команда: Кобелевы Иван с братом (с мячом), Михаил, Батуев Алексей, Кобелев Михаил, Кузовлев Анатолий

Ординская средняя школа

С большой теплотой вспоминаем своих учителей - мужчин. Все бывшие фронтовики, израненные, справедливые, строгие, отзывчивые. Они были для нас примером. Директор школы Козюков А.П., учителя: Перминов Г.И., Паутов Г.И., Щербинин А.С. (без одной руки и ноги), Первов В.Д. и многие другие. Среди женщин Лобанова Е.М., Козлова З.М., Сарапульцева А.Н., Лукьянова А., Смирнова Н.А., Чеглакова А.К. и её дочь Ия Дмитриевна, Казакова Л.И. Все они учили не только по предметам, но и подавали нам пример своими жизненными позициями. Учили добру, честности, уважению друг к другу. В школе тогда создавались ученические бригады. Ухаживали за телятами, кормили, поили, убрали навоз. Утром вставали в 6 утра и бежали на фермы в Беляево. Мы, ребята, на гусеничном тракторе ДТ – 54 на санях возили с полей сено, силос. Конечно, рядом с нами находился тракторист. На

период посевных работ нас даже на целую неделю освобождали от учёбы и отправляли в колхозные тракторные бригады на практику. В деревне Плоское тогда стояли 2 заброшенных дома, там был организован летний лагерь для телят. Ухаживали за ними наши ученики. Осенью участвовали в уборке картофеля, овощей, льна. В зимние новогодние каникулы 1960 года нас, делегацию из 9-10 классов, отправили в Пермь на областное совещание ученических бригад, которое проходило в здании оперного театра. 3 дня находились в Перми, жили в общежитии. Были организованы экскурсии по городу, смотрели балет «Коппелия», встречались со своими сверстниками. Чувствовали мы себя скованно, всё-таки ученики городских школ и одеты получше, да и вели себя более свободно. Ну, ничего, нашли общий язык. После окончания школы нам вместе с аттестатом зрелости выдали свидетельства трактористов.

В Ординскую школу ходило из деревни человек 10. Тогда комсомольскую организацию района возглавлял Лапоногов Александр Михайлович. На общешкольном комсомольском собрании он был немало удивлён, узнав, что только из нашей небольшой деревушки поступили в ВУЗы и училища: Лубова Валя (пединститут), Кобелев Владимир (сельхозинститут), позднее учатся там же его брат Миша и сестра Маша, Кобелев Иван (медицинский), Кобелев С. (госуниверситет), в педучилище – Кобелевы Люся и Вера.

После того, как уехали немцы, жившие в переоборудованной часовне, помещение отремонтировали и отдали под клуб. Раз в неделю демонстрировались фильмы. Первыми киномеханиками были Валя Гомзякова, Михаил Шляпников, Евгений Лубов. Тут же проводились собрания. Концерты местных артистов. В основном это был коллектив, возглавляемый Колбасовым В., зав. Верх-Кунгурским клубом. Молодёжи было много, только в нашей деревне около 30 человек. Выделили в клуб гармонь, балалайку, гитару, мандолину, патефон. Организовали передвижную библиотечку. Местные столяры изготовили бильярд с металлическими шарами из подшипников. Радости было! Содержали помещение на общественных началах. Сами делали уборку, мыли полы, к праздникам «октябрьской» и 1 мая белили, писали плакаты, лозунги. Развлекали себя сами: танцы, песни, разные игры. Разучивали песни, стихи, сценки и с концертами выезжали в соседние деревни: Мокрое Поле, Бурмасы. Сами построили волейбольную площадку. Денег на мяч и сетку заработали, сдав более 500 кг. металлолома, также сдавали вторсырьё, бумагу. Около клуба на пустыре силами колхозников во главе с бригадиром Кобелевым А.И. была построена спортивная площадка. На ней были турник, качели, шест, канат для лазания, кольца.

Происшествия

На моей памяти в нашей деревне иногда происходили, к сожалению, разные случаи, происшествия. Так в 1947 году на наших глазах днём напротив детского сада сгорел от молнии большой дом. Кому принадлежал, не знаю. Говорили, что Фенковым. Мы смотрели на этот пожар из окон детского сада. В 1949г. также от молнии, но уже ночью, сгорел дом Михаила Степановича и Фёклы Кобелевых. Мой отец помогал им строить другой домик взамен сгоревшего. Отец был плотником и брал меня, шестилетнего, с собой, чтобы меня вместе с ним накормили обедом. В начале января 1954 года произошёл страшный пожар утром, около 10 часов. Мы с сестрой Верой катались с горки на санках недалеко от этого дома. В нём жила Оболдина Анна. У неё было две дочери: пятилетняя Капа и двухлетняя Аля. Мать работала дояркой, оставила детей утром одних. В то утро моя сестра просилась отпустить её к ним в дом поиграть. Так часто было. Они были подружками. Почему-то мы её отговорили и пошли кататься на горку. Вскоре увидели большой дым из дома. Капа успела в одном платьице выбежать на улицу, а младшая Аня спряталась под кровать и задохнулась. Видимо, девочки нашли спички и зажгли бумагу. В 1966 году в праздник Троицы днём сгорели покрытые соломой два больших тока для хранения сырого зерна во время уборки. Это случилось от баловства ребяташек, играющих там в прятки.

В деревне и около неё было много не очень больших озёр. Были случаи, что в них тонули дети. Так весной, в Пасху, примерно в 1935 году в центре деревни утонул пятилетний мальчик, сын Кобелевой Евдокии. Она утром отпустила погулять его во двор, сама занялась кормлением скота. Не заметила, как сын открыл калитку и вышел на улицу. Озеро весной заполнялось талой водой, становилось большим и глубоким. Мальчик побежал по кромке снега на берегу и провалился. Нашли только днём, когда из воды всплыла шапка-ушанка. Летом при купании на озере Круглое утонул мальчик лет 8, сын Кобелева Александра Афанасьевича. В 1980 году уже на озере Поповка, также при купании, утонул молодой человек лет 20-ти. Глубина этого озера около 7м. Они отдыхали компанией на берегу.

В 1957 году с нашего конного двора были украдены цыганами 4 лошади: Баян, Горин, Доля, четвёртую не помню. Двери в конюховке, где ночью дежурил конюх, припёрли снаружи. Примерно через месяц лошадей нашли в цыганском таборе, где-то за Уинском. Привезли на машине очень исхудавших. Встречать вышли почти все жители деревни. Сгрузили их, они заржали и сами пошли на конный двор. Не забыли. Многие женщины при виде этого плакали.

Январь, 2024

Переезд

Наша семья переехала в Притыки из Верх-Кунгура в 1958г. В весенние каникулы. До переезда родители искали дом для купли на смену своему старенькому. Тем более появилась возможность: выпал выигрыш по облигации 10 тысяч рублей. Смотрели новый сруб в Мокром поле, но мама убедила отца, что не стоит покупать: до школы далеко ребятам, а сколько работы со стройкой. В это время продавали дом в Притыках. Сходили, понравился. Пятистенный дом с железной крышей. Погрузили скудный домашний скарб на тракторные сани, мы с братом забрались наверх и отправились в путь. Особенно радовалась мама. Притыки - её родина, здесь она родилась.

Знакомство с домом

Во дворе большой амбар для зерна и муки. Закрывается на внутренний замок большим ключом. За амбаром навес на столбах с одной стороны, а с другой заплот (плотный забор из брёвен). Вверху сеновал, снизу дрова. Далее колодец. С другой стороны дома две конюшни, между ними загон и большие ворота для выгона скотины на пастбище. Здесь большой сеновал. Баня в огороде. Ещё вне двора на меже огорода обложенная природной плиткой яма для хранения картошки. Копали картошку и сразу опускали в яму до весны. Зимой брали картошку из голбца (подполье). Заходим в сени. Просторно,

светло. Большое окно в ограду. Стены (полубрѣвна) и потолок - струганые. Чулан, ещё дверь, как говорят, на заднее крыльцо. Это выход к скотине. Ещё одна таинственная дверь. Куда? Об этом позже. Видим лестницу на чердак. Идём в дом. Направо проход для хозяйки к печи на кухню, там окно в загон. Прямо дверь лёгкая со стѣклами вверху. Зимой её закрывают за собой, и холод не попадает в комнату. В комнате большой стол и 3 лавки. В одном углу поллица, около неё висит тарелка (радио). В переднем углу иконы. Хозяйка подаёт на стол еду с ближней стороны кухни. С двух сторон печи двой полати. Через несколько лет наши детишки будут бегать вокруг печи. Видим ещё дверь с красивой ручкой и с двумя створками – вход в другую комнату. В ней две кровати, стол, 2 табуретки и печка. Дом штукатуреный. Бывший хозяин дома Кобелев Пётр Иванович - мастер плотницкого дела. Дом строил сам в 1914г. Стоит больше 100 лет, как памятник времени. Сейчас это дача моего брата Евгения. И наконец посмотрим, что за дверь в сенях. Оказывается, летняя комната – клеть. Квадратная, вместительная. Четыре кровати, длинная лавка от стены до стены, маленькое окно в огород. Над окном и дверью поллицы (полки вдоль стены). Стены, потолок гладенькие, светлые. Над окном обнаружили картины – пособия для школы. Когда-то у них жила учительница. Мы их расставили вдоль поллицы, красиво стало. Шарим дальше. В самом углу на поллице мы обнаружили самодельный большой кошель из грубой кожи. Кошель битком набит деньгами. Деньги новенькие, большие купюры с изображением царей Николая II и Екатерины II. Деньги разделили и понесли в школу. Раздали ребятам. Даже себе не оставили на память. Как позже я узнала, Пётр Иванович занимался разведением породистых лошадей. Вот откуда деньги. Грянула реформа, не успел деньги реализовать. Обследовали мы и чердак, но ничего не оказалось, кроме старых ботинок и сапог с подошвами, прибитыми гвоздями. Под клетью погребушка и погреб. Поэтому в клетке в жару всегда было прохладно. Полы везде крашеные. Дом не требовал ремонта, и крыша цела. А вот надворные постройки нуждались в срочном ремонте. Заменили столбы, перекрыли крыши, обшили дом. Мы гордились, что живём теперь в таком доме, да на улице, которая называлась по-старинному Богатый околоток.

О семье

Мама родила 9 детей, четверо умерли малышами. Я младшая, 1945 года рождения. Старшая сестра, 1928г.р., жила и работала в Перми. Во время войны четырнадцатилетней девчонкой её отправили в ФЗО в г.Молотов (Пермь). Мама пыталась спрятать её, так как старшая дочь была главной помощницей. Тем более и папу забрали в 1943 году в Сталинград. Мама отвезла Нину в Кунгур к сродной сестре пожить, но из её затеи ничего не вышло. Позже подрос Иван и с 10 лет работал с отцом трактористом.

Повзрослел, женился и уехал с семьёй в Пермь. Валя во время нашего переезда училась в педучилище в Перми. Так что в Притыках мы были какое-то время вдвоем с братом. Женя окончил 7 классов и уехал учиться в г. Энгельс на киномеханика, а я училась в школе.

Соседи, друзья, подружки

Рядом и напротив нас жили все Александры с семьями, участники войны, инвалиды: Кобелевы Александр Афанасьевич, Александр Иванович – мамин брат, Александр Николаевич – мамин двоюродный брат, Кузовлев Александр Андреевич. У последнего жена больная лежала, он сам доил корову, позже – козу. Я приходила к ним пол помыть, постирать. За это Александр Андреевич купил мне красивенький ситчик на платье. Я сама себе сшила платье. Все они приспособились к жизни. Выполняли любую домашнюю работу.

Две дочери моего дяди, Люся и Маня, стали первыми подружками. Они старше меня, учились в разных классах: Люся в 9 классе, я в 7, часто смены не совпадали. В школу я ходила одна. Однажды наши смены с Люсей совпали. Зашла к ней, а она ещё хлеб печёт. Просит меня подождать. Она уже скотину управила, корову подоила, хлеб ещё из печи надо достать. Отец у неё давно на работе. Мама у них умерла, и Люся была главной хозяйкой. Все дела сделаны – бегом в школу. И вот мы с Люсей на маршруте в семь километров, бежим от одного электрического столба до другого. Уже никого не видно из ребят. Подбегая к Орде, с горы возле Банного слышим радио. Зарядку передают, значит успеваем. В то время в центре Орды репродуктор висел, вот он и вещал новости на всю округу. На уроки успели. Если у Люси уроков больше, я снова её поджидаю. Из школы мы идём уже ровным шагом. Весна, поле озимой ржи. Люся рвёт горсть и - в рот, мне предлагает: «Жуй, вкусно и полезно». Идём, жуёмся, голод утоляем. По весне и крупянки, и пистики ели, а летом вся съедобная трава наша. После окончания школы Люся поступила в Кунгурское педучилище. Музыкальные сёстры. Люся играла на балалайке, на мандолине. Маня на гармошке, на баяне. Выходила из дома вечером и играла «Амурские волны» или вальс «Берёзка». Значит, скорее в клуб на танцы! С ними весело было в клубе. Я на концертах вместе с Люсей выступала. Учила она меня петь, какую-то пьесу ставили, играли двух соперниц. Мужа играл Сергей Кобелев, жену Люся, а я его подругу. По сценарию Сергей должен закурить (хотя был некурящий). На сцене мы начали выяснять отношения, шум, крики. В этот момент его мама Елизавета закричала из зрительного зала: «Серёжка, ты пошто куришь там?» Все захохотали. Игра на сцене продолжалась. «Жена» схватила коромысло и давай охаживать «мужа» за измену, что пришлось ему выскочить из окна. Для этого заранее убрали раму. Главным организатором в жизни клуба была Лена Кузовлева. Замахнулась даже на «Иркутскую историю». Но ничего из этого не вышло.

Моя вторая смена в школе

Для меня это самые сложные годы, потому что я одна в этой смене. Зимой жила в интернате, в комнате 10 человек. Для нас тётя Сима варила кашу по утрам и наблюдала за нами. Среди нас были очень озорные девчонки. Хочется побегать, побаловаться вечером, а двери закрыты – не выйдешь. Выход нашли. Выставили раму и вылезли на свободу прямо на стадион. Этим «выходом» пользовались весной и летом. Девчонки постарше уже убегали на свидание, но нас не подводили, возвращались вовремя. Был уговор – дальше стадиона не уходить. Никто не обнаружил нашей проказы. Это было в 9 классе.

В следующем учебном году все ушли по квартирам, а я ходила домой. В среду и субботу у меня были попутчики: Валя Тонкова в Подавихи, Валя Кобелева в Епиши, иногда Зоя Овчинникова в Павлово. Доходили со мной до Притык, мама накормит, иногда ночевали со мной на полатях, потом я их провожала.

Бывало, выйду из школы со второй смены, уже смеркается. Пройду Банное, дальше по полям. На открытом месте увереннее себя чувствуешь, хотя идёшь на ощупь по дороге. Впереди лес. Самое жуткое место для меня у пьяной берёзы. Это огромное старое раскидистое дерево возле дороги. Сколько легенд исстари рассказывается об этом месте. По этой дороге ездили обозами из Ашапа, М. Ашапа, Карьёво, Павлово. На обратном пути здесь останавливались, распивали вино и якобы однажды девушку–красавицу привязали за косы к этой берёзе и издевались над ней. Было очень страшно проходить у этого места. Всегда меня мама встречала. Она шла по лесу и стучала палкой по деревьям. Мама тут, и я уверенно шла к ней навстречу.

Новогодние праздники

На новогоднюю ёлку наша молодёжь ездила на лошади в В-Кунгур. Завклубом был Володя Колбасов, отличный организатор. Многие были в карнавальных костюмах, за что получали призы. На аккордеоне играл Николай Николаевич Ермаков, он же работал музыкальным работником в детском доме. Ёлка нарядная, вся в стеклянных игрушках. Завклубом и киномеханикам платили. А наш клуб был на общественных началах. Сами заготавливали дрова на субботнике. Следили за порядком: белили, мыли. И сами веселили себя. Ёлку проводили для малышей. Серёжа Кобелев поставил ёлочку маленькую в клубе по моей просьбе, скудно нарядили: цепи склеили, флажки из газет. Родители приводили ребяташек. Я выходила к ним в роли Деда Мороза. Правда, больше была похожа на пугало: борода из кудели, шапка – ушанка, обтянутая белой тряпкой, халат однотонный. Но дети были в

восторге. Они играли, водили хоровод, рассказывали стихи. Тоненьким, звонким голоском кричит Ванчик Настин: «Я знаю, я!»

-То ли дождик, то ли снег, -

Думают коровы, -

То ли будет, то ли нет

Нам коровник новый?

В клубе висел плакат с карикатурной картинкой. Мать прочитала ему пару раз, он и запомнил.

И дома проводила праздники для малышей из соседних домов, и по приглашению ходила в многодетные семьи. Родители сами приготовят подарки, положат туда постряпушки, конфеты-подушечки и мне отдадут, а я – детям. Все довольны: родители, дети и я.

Летние каникулы

Работали в колхозе, куда пошлёт бригадир. Утром рано надо сходить в конюховку к бригадиру взять наряд. Мужики приходили раньше всех и отсиживались там. И мой отец в том числе. В это время он уже не работал на тракторе, был занят в бригаде. Сначала в мастерской, потом в кузнице, в сенокос метал стога. Так вот, папа никогда не спросит про меня, куда мне сегодня собираться, какой инструмент взять. Не жалел меня. Мама разбудит в 5 часов утра, отправит в конюховку. Там людей не видать, дымища от курящих. Все лавки заняты мужиками. Спрошу о предстоящей работе и бегом домой, хоть часок ещё поспать. А бабы дома спешат: печи топят, хлеба пекут, скотину управляют, выгоняют на пастбище. Мужик с конюховки вернётся, накормить его надо, с собой еду положить да самой собраться на работу. Такой был порядок.

Посевная пройдёт, начинается вывозка навоза с частных дворов на поля. Ребята разберут резвых лошадок, мне доставалась тихоня Векша, казалось, спит на ходу. Мальчишки обгонят меня и орут: «Вера – кила, Вера – кила!» Это значит, что я в отстающих. А лошадку мне жаль вицей бить, ну, похлопаю её вожжами по бокам, покричу, а она всё равно не поспешит. Так и возили мы с ней навоз потихонечку.

Вскоре сенокос подходит. Я подскребала, на воза сено клала. Особенно тяжёлое с клеверного поля. С Маней в паре работали. Она крепкая девчонка, да и постарше, силы больше. Большие пласты ворочала, а я уж какие могу. Подвозила и сено к стогу на жеребчике Ешко. Овода много, кони бились. Однажды мой конь рванул в лес, в самые дебри забился от кровососов. Еле на телеге удержалась, вожжи в колесе запутались. Никак не могла его вывести. Пришлось идти к стогам за помощью к отцу, а там меня уже потеряли. Отец взял топор, вырубил весь кустарник, мелкие деревья и только тогда освободил коня. Когда сена было много, то людей делили на партии. В

каждой 2-3 лошади, на которых подвозили сено к стогам. У стогов 2-3 мужика: один на стогу, двое подают. На покосах на лошади гребёт Серёжа Кобелев на конных граблях, а на неудобницах бабы и подростки гребут и подскребают. Женщины и девушки одевались в светлую нарядную одежду, как на праздник. На работу ехали с песнями и обратно с песнями, несмотря на усталость.

Только сенокос закончится, начинается уборка урожая. Работала на копнителе комбайна «Коммунар». Его таскал на тракторе мой отец. Моя задача состояла в том, чтобы, как только наполнится копнитель соломой, резко дёрнуть верёвочку кверху. Поднимается решётка и солома сваливается. Надо следить, чтобы она падала ровными рядами. К концу дня я так устала, что не смогла в какой-то момент солому свалить. Её накопилось много. Дёрнула, дёрнула верёвочку и свалилась вместе с соломой. Трактор идёт себе дальше, а я осталась на поле в куче соломы. Заметили, что меня нет на месте – остановились. Я забралась и благополучно доработала до конца дня. В следующий раз мы с Люсей, а позднее и с Маней, стояли на площадке комбайна. Там засыпали мешки зерном, завязывали их. В это время извозчик на лошади подъезжал вплотную к нам и сдёргивал готовые мешки на телегу. Если он задерживался, то нам приходилось сталкивать мешки с зерном на землю. На площадке стоит два человека, можно оставить два мешка, а третий уже засыпается зерном.

Устанем ведь! После работы завалиться бы спать. Так нет! Надо в клуб бежать. Может, очередная репетиция или кино. Потом танцы под балалайку. Молодёжи много, весело было. В разные игры играли. Например, игра в номера. Жёсткая игра, я не играла, боялась. Ведущий шёпотом говорил каждому игроку номер. Выбирали человека, в руки давали ремень. Он подходил к любому сидящему и спрашивал:

-Какой номер вызываешь?

-18.

Отвечали громко, чтобы все слышали. Игрок с данным номером должен быстро прибежать к вызываемому, чтобы не попасть под удар ремнём. Чаще попадало за нерасторопность. Перед фильмом играли в волейбол, пока киномеханик настраивал аппаратуру. Ездили на лошадях с концертами по деревням. Верхкунгурцы приезжали к нам с ответным визитом. Ребята при нас не сквернословили, не курили, не затевали драк. Незабываемая, чудесная пора детства, юности.

Кузьма Никитич Кобелев возил своих дочерей Тоню и Катю на учёбу в Кунгур на лошади. С ними всегда ездил Федя Кобелев. Где он учился – не знаю. В 1928 году он сбежал от родителей в Москву, далее в Подольск и там основался. Работал на заводе начальником цеха. Во время войны был эвакуирован вместе с заводом в Пермь, после войны вернулся в Подольск. Он вёл переписку с односельчанами, в том числе и с моими родителями.

Интересовался: «Кто жив ещё из моих современников? Где Никита, Ванчик Архипович, Гришка Ванин, Ефим Вахрушев, Ванька Настасьин, Гришка Степанов - мой родственник. Всегда жалели, помогали нам братья Иван, Кузьма, Николай и Фёдор Кобелевы». Последние - мой дед Иван и его братья. В письмах Фёдора Яковлевича упоминается имя Рудакова Якова Георгиевича, нашего земляка. Яков бывал на родине несколько раз. Военный врач, полковник, проживал в Москве. Его дочь Анна работала в Перми главным врачом областной больницы. Последний раз Яков Георгиевич был в Притыках в 1978 году летом. Я как раз была у родителей. Пригласили всех, кто помнил его, накрыли на улице стол, поставили самовар. Долго сидели, вспоминали. В этот же год узнали о его смерти. Как я сожалею, что не записала его воспоминания.

Черета свадеб

Жизнь в деревне шла своим чередом. Была начальная школа. Учителя часто менялись, ходили из Орды. И вот приехала молодая учительница Валентина Сергеевна, надеялись, что навсегда. Она подружилась с Аннушкой Кобелевой. Обе певуньи, частушечницы. Парням деревенским понравилась учительница, даже очередь установили, кто идёт провожать её из клуба. В Бурмасах пришли из армии два Ивана - Попов и Калинин. Заездили в Притыки на велосипедах и с гармонью. Доигрались, спелись, влюбились и женились. Увезли девчонок в свою деревню. Пошла черета свадеб по деревне. Григорий Шляпников женился на Марусе Кобелевой. Вырастили пятеро детей. Иван Кузовлев сосватал Марусю Южанинову, родили и воспитали 8 детей. Геннадий Анисимов заключил брак с Тоней Мазяровой – 10 детей. Лёня Кобелев привёз невесту Лиду Чупину из Пискунов – 10 детей. Составили супружескую пару Кузовлевы Лёша и Нина (однофамильцы) – трое детей. Толя Кузовлев привёз из В-Кунгура Нину Игошеву и в это же время, забрав родителей, уехали в Орду. Мы с Серёжей Кобелевым, будучи уже супругами, отгуляли на свадьбе Толи Кузовлева и, повзрослевшего к тому времени, Васи Чупина с Людмилой, его одноклассницей. Я с уверенностью утверждаю, что деревенские браки самые прочные. Тому доказательство наша молодёжь. Никто из них не развёлся. Некоторые ушли уже в мир иной, другие живут и радуют детей и внуков. Моим родителям мы отметили в 1977 году золотую свадьбу, а через 10 лет и бриллиантовую – 60 лет. И уже наши дети поздравили нас с золотой свадьбой, а в следующем году будет 60 лет совместной жизни. Дай Бог!

Бриллиантовая свадьба Лубовых Андрея Васильевича и Марии Ивановны, 1987 год

Переселение

Все малые деревни, в том числе и Притыки, получили статус — неперспективные. Для начала закрыли школу. Первыми в 1970 году уехала в Верх-Кунгур семья Ивана Кузьмича Кузовлева в дом, который нуждался в ремонте. Жили и восстанавливали. Постепенно уехали все многодетные в это же село. В 1972 году отправился в Арсёновку Александр Иванович Кобелев в крохотный домик. Моя мама накануне уговаривала брата, чтобы не покидал Притыки, тем более только перешёл в новый дом, обшил, покрасил. Он заявил: «Я партийный, нас принуждают». Через год, тоже член партии, Андрей Иванович Кобелев купил у него дом и перевёз в Казаково, свой продали на снос. Наша соседка Александра, похоронив мужа, с дочкой Машей отправилась к старшей дочери в Челябинск. Тоня Кузовлева с детьми — решительная женщина, обосновалась в Караганде. Не прижилась там, вернулась обратно уже в Арсёновку. Туда же отправилась семья Петра Степановича Кобелева из нового дома в старенький домишко. Пока дом был не продан, приходил. Обойдёт его, проверит, посидит и обратно пешком. А мой дядя приходил к сестре с двумя булками хлеба каждое лето, пока позволяло здоровье. Тосковал. Походит по своей усадьбе и обратно. Зимой писал письма. Шляпников Прокопий Степанович с женой перебрались в Орду, дети с ними уже не жили. Несколько раз уходил «домой в Притыки»,

как он говорил. Возвращали. Последний раз пошёл зимой и потерялся. Нашли только весной. Замёрз. Тяжело переживали переезд старые люди.

Вспоминаю теперь, как сладкий сон, каждый приезд к родителям. Мама заведёт квашёнку, топит печь. Достанет из печи шаньги картофельные, в стаканы нальёт топлёное молоко с пенкой. Нет ничего вкуснее. Как давно это было. Мама скромный человек, с чистым добрым сердцем. Мы не знали от неё криков. Она никогда никому не жаловалась, не завидовала, не судила людей. Терпению её вечному, труду негромкому не было предела. Старики наши оставались одни недолго. Старшая дочь Нина вышла на пенсию и приехала из Перми к ним. Ухаживала за родителями больше 10 лет. Им было по 85 лет, пережили всех из их поколения. Это результат того, что жили на родной земле. Очень надеюсь, что деревня Притыки будет жить.
Февраль, 2024

Кобелева Вера Андреевна. Записанные ранее воспоминания старожилов Кобелевых Василия Степановича, Александра Ивановича, Павла Васильевича, Лубовой (Кобелевой) Марии Ивановны, Кавардаковой (Кобелевой) Александры Петровны, Полушкиной (Рудаковой) Ангелины Алексеевны, Заниной (Кобелевой) Анны Матвеевны.

Богатый околоток

Не случайно околоток назывался Богатым. Здесь действительно жили в основном зажиточные хозяева. Кроме работы на своём наделе, занимались дополнительным ремеслом, имели свою сельскохозяйственную технику, двух- трёх лошадей, много скота и птицы. Дома стояли добротные, пятистенные. Было два двухэтажных дома. В одном из них (низ - кирпичный, верх - деревянный) наверху зимой обучал грамоте всех желающих умеющий читать сын хозяина. В этом околотке жили четыре брата: Иван, Кузьма, Федор и Николай Никитичи Кобелевы.

Кобелевы Иван Никитич и Анна Петровна жили в двухэтажном деревянном доме. Анна Петровна родом с Банного. Иван Никитич служил в царской армии четыре года. Воспитывали семерых детей. В деревне его уважительно называли по имени и отчеству, несмотря на его молодой возраст. Был он очень спокойным, покладистым человеком. Люди шли к нему за советом, и он помогал им, как мог. Хорошо пел. Детишки заберутся с ним на печку и слушают. До старости лет мама, она его дочь, помнила одну печальную песню, которую он им пел.

1900г. Кобелев Иван Никитич, служба
в царской армии

Хорошо тебе на воле
Слушать ласковы слова.
Посидел бы ты в окопах,
Испытал бы то, что я.
На нас дождик моросит,

Как посыплют с пулемёта,
То поверху нельзя жить.
Вот приходит приказанье
Из окопов вылезать,
Только голову покажешь,
Сразу шрапнели зажужжат.
У вас праздничек подходит,
Христос Воскресе запоют,
А нам пули и снаряды
Здесь покоя не дают.
Как под дождичком трава,
Тут солдатска голова...
Трудно, братцы, расставаться,
Оставлять детей, жену,
Но приходится расстаться,
Отправляться на войну.
Ура! Ура!
Идём мы на врага.
Рады помереть мы
За батюшку царя.

Мой дед - участник Первой империалистической войны. Жили справно. Иван Никитич был прекрасным жестянщиком. Изготавливал всякую домашнюю утварь из жести. В Кунгуре, была своя лавка. Приедет с базара, навезет детям подарки, на стол вывалит гору гостинцев. Ездил в Ирбит на ярмарку на лошади со своим товаром, а оттуда везёт краски по жести и для ткани. Но в возрасте 40 лет он умер, через два года умерла и жена. Остались сиротами 6 детей. Старший сын Иван погиб еще в гражданскую при живых родителей. За старшую осталась дочь Фиса 17 лет, а самому младшему было всего 2 года. В деревне их прозвали сиротскими. Все, что получше было в доме, растащили братья Ивана Никитича. Хлеб из амбара выгребли. Вот уж хлебнули горюшка дети! Голодали, обносились, дом без хозяина пришел в упадок. Несмотря на все лишения, жили как могли. Такая тяжелая доля отразилась и на их здоровье. Трое дочерей умерли в возрасте от 19 до 23 лет. Младший сын Тимофей погиб в 1943 году, дожили до старости только двое - Александр и Мария, моя мама.

Кобелев Кузьма Никитич. Было у них с Евдокией Николаевной, как и у брата Ивана, тоже семеро детей, и все девки: Антонида, Елизавета, Анфиса, Екатерина, Мария - умерла в 17 лет, Анна - не стало в 6 лет. Был один единственный парень Александр, но к большому горю родителей умер малышом. Сначала жили бедно. Дело в том, что надел земли на дочерей не полагался, только на сыновей. А вот им Бог сыновей не дал. Уж очень

работящие были и постепенно выбились в середняки. Была своя кузница, обзавелись скотом, только овец держали до 30 штук. В одном из писем на родину Федор Яковлевич Кобелев пишет: «Вспоминаю, как нас дядя Кузьма повез в Кунгур учиться во вторую ступень. Ехали Тоня, Катя и я. В одном месте река Ирень разлилась и затопила дорогу на берегу. Пришлось ехать по воде. Лошадка вороная, видимо захотела пить и остановилась в воде, вода была ей по брюхо. А когда хотели тронуться дальше, то оказалось, что колеса завязли в глине, и наш «экипаж» «ни туды и ни сюды». Дядя Кузьма стал подстегивать коня, но, видимо, упряжь была настолько хилая, что лошадь рванулась, и что-то лопнуло. Лошадь «торжественно» вышла из оглобель, а они упали в воду. Вот тут началась трагедия. Дядя Кузьма слез по пояс в воду и начал запрягать коня, уронил дугу, и ее понесло течением. Правда, ее удалось поймать, а вот с оглоблями получилось сложнее, дядя пытался поднять их ногами, а они срывались и плюхались обратно в воду. Лошадь не хотела пятиться, а дядя Кузьма поминал всех святых и проклинал всех ученых. Мы, как три статуи, стояли на телеге, подняв свои скудные пожитки. Сейчас смешно, но тогда нам было страшно. Но как-то все обошлось, и путешествие к вершинам науки возобновилось. Дядя Кузьма бежал в лаптишках, держась за телегу, и переживал, что не может покурить, так как его табак и кресало намокли. Приехали мы в город, на постоялом дворе нас обогрели и снаряжение наше бросили в печь сушить. Вспоминаю своих подруг по школе. Екатерина была хохотушка и большая насмешница, а Тоня серьезная, практичная. Она всегда была хорошим другом. Вот так было - было и прошло...»

Кузьма выделялся среди своих братьев строптивым характером. Вспоминают довольно забавный случай. Поехал как-то Кузьма на базар, а Кузиха, жена его (почему-то в деревне все ее звали только так, наверное, и имени-то ее не знали) наказывает мужу: «Купи-ка крынок, молоко не во что процедить». Сказано-сделано. Купил, всю кошеву ими завалил и прибыл домой, кричит хозяйке, чтобы товар забирала. Она вышла, да так и ахнула, руками всплеснула: «О-о-охти мнеченьки! Куда столь набрал?» Он, недолго думая, схватил бадог и исхрюстал все горшки. Так Кузиха и осталась ни с чем.

Кобелев Николай Никитич долго не женился. Дома мало жил, уходил на заработки. Грузил баржи, даже до реки Лены доходил. Женился уже в 40 лет. Жена вскоре после родов умерла и оставила Николаю малютку- сынишку Александра. Больше он не женился, воспитывал сына один. Александр вырос, в 1941 году забрали его на фронт, но повоевал мало, получил тяжелое ранение в голову.

Александр Иванович Кобелев вспоминал: «На фронте ранило меня. Отправили в госпиталь. Как-то раз одни солдат с полностью забинтованной головой называет меня по имени:

-Санко, это ты?

-А ты откуда меня знаешь?

-Ты же из Притык, брат мой сродный!

Вот так встреча! Такой большой фронт, и в госпитале встретились два земляка. Когда немножко подлечили Александра Николаевича, сняли повязку, его невозможно было узнать, настолько сильно было изуродовано лицо. Так и жили с ним всю жизнь инвалидами». Отец Александра доживал свои годы с ним, с сыном.

Кобелев Фёдор Никитич. Когда у брата Ивана шестеро ребятишек осиротели, заболел из них самый младшенький, двухлетний Тима, очень тяжело заболел. Не знают, как ему помочь. Мальчик лежит - не ест, не пьёт, уже и не плачет, глазки не открывает. Считали, что вот-вот умрет. Пришел Федор проведать племянника.

-Ты что, Тима, лежишь, выздоравливай скорей. Смотри, какой я тебе подарок принес. Носи, ни у кого такой фуражки нет.

Сам снял свою форменную с кокардой фуражку стражника и положил мальчику на грудь. Тима открыл глаза и начал рассматривать фуражку, гладить ее беспомощными ручками. И ведь поправился, спасла его от смерти фуражка. Во время войны в 1943 году Тимофей погиб, смерть его все же через 22 года настигла.

О Фёдоре Никитиче написала Полушкина Ангелина Алексеевна. «Мы в ваше родовое и кровное поколение не относимся. Мой не родной дед Фёдор Никитич в нашей родословной записан так: Родился в 1870 году в д. Притыки Ординской волости. Умер в апреле 1930 года. Его брак был бесплодный. Моя бабушка Парасковья Георгиевна имела дочь Старцеву Марию Ивановну. Бабушка мою мать привела в Притыки семи лет – это её дочь от первого брака, с Фёдором был её второй брак. О Фёдоре могу сказать, что был очень добр, хорошо относился к моей маме и ко мне. Я его помню хорошо. Умер он на колхозной сушилке. Сушил зерно, выгреб высушенное зерно в фуру, лёг на него, уснул и умер. Сушилка была в Подсоснах. Мы пошли в школу. Наша собака побежала за мной, подбежала к сушилке и завывала. Мы подошли, думали он спит и ушли. А днём обнаружили его мёртвым».

Семья Кобелева Ильи Николаевича (Миколины). Было у них с женой Анной Кирилловной трое сыновей. Жили зажиточно. Была своя сельхозтехника: жатка, молотилка. Во время установления советской власти вовремя свернулись, разъехались кто куда, раскулачить их не успели. Немного о сыновьях. Егор - кавалерийский офицер белогвардейской армии. До 1918 года переписывался с отцом, потом отступил с семеновскими войсками в Китай, так там и остался в г. Харбине. Александр - белый офицер, доживал свои годы в Климихе. Дмитрий до 1930 года учился в Кунгурском педучилище, потом с родными не было связи. И вот в 1939 г. отцу пришло письмо, в котором он сообщал ему, что пролетал над Притыками, видел сад, а

дом нет. Был летчиком. Около 1970 года вышел на пенсию в звании генерал-лейтенанта.

Кобелев Василий Степанович, жена Анна, дети - Павел и Мария. Был участником Первой мировой войны, попал в плен, жил в Германии 6 лет. Вот откуда отличное знание немецкого языка, свободно им владел. В Германии жил в деревне с пленным поляком у одного хозяина-немца. Помогали вести хозяйство. Во время ВОВ призвали в трудармию. Сын его, Павел, после четырех месяцев войны был тяжело ранен, лежал долго в госпитале, потом вернулся домой.

Кобелев Петр Иванович (Семахины). Жена Мария. Дети: Анна Кротова, Евдокия, Александр, Александра. Жили богато. Петр занимался племенными конями. У него была кобыла отличных кровей. Состояла на подотчете у Буденного. Она и давала хороший доход. Во время гражданской войны Петр Иванович был пулеметчиком, охранял Смольный. Вернулся домой, когда власть переменилась. В этот момент здесь были колчаковцы. На Петра донесли, что служил у красных. Арестовали, увезли в Кунгур и приговорили к расстрелу. Нашелся и добрый заступник. С какой-то справкой жена Мария бежала всю ночь до Кунгура, к рассвету была на месте. Расстрел был отменен. Так жена спасла своего мужа от гибели. Во время войны дали бронь, был молотобойцем в МТС, плотником в бригаде. Старшая дочь Петра Ивановича Анна Петровна Кротова вспоминает: «У меня была сестренка Глаша, пятый ребенок у моих родителей. Была рахитиком, умерла от голода в 30-е годы. В голодный год детей особенно много умирало. Мы убежим на поле весной, ищем мороженую или гнилую картошку, найдем — и съедим. А Глаша была мала и слаба, не ходила с нами. Мы глупые были, не принесем ей картошки, не покормим... Была бы она сейчас жива, попросила бы у нее прощения».

Кобелевы Матвей и Татьяна воспитывали трёх дочерей: Анну, Парасковью и Марию. Хозяин был страстный садовод. Выращивал много малины, держал пчел. Старшая дочь, Мария, была для Матвея самой главной помощницей, она выполняла с ним любую мужскую работу. Мария повзрослела, влюбилась, решила выйти замуж. Отец очень переживал, что лишился помощницы. Матвей погиб трагически и в возрасте 40-45 лет. Был у них конь, очень быстрый. Куда-то поехал по делам, а обратно конь привез его домой в телеге мертвым. Что случилось с Матвеем, так никто и не знал.

Бараба

Этот околоток имел довольно удобное расположение, находился в центре деревни. Здесь было место пересечения шести дорог: из Бурмас, Климихи, Хорьков, В-Кунгура, Мокрого Поля и Епиш. Все дороги соединялись в Барабе и отсюда вели в Орду. От Барабы шли разветвления - дороги, по сторонам которых стояли дома. В центре околотка стояла часовня, рядом - озеро, обнесенное изгородью. На этой обширной площади была пожарка со всем полагающимся ей инвентарем, амбары для хлеба. Здесь же, в логу, в весенний паводок шла бурным потоком вода. За деревней со склонов холмов стекали сотни ручьев и еще больше усиливали поток воды, который устремлялся в Карпушу, далее - к Гробову озеру, к Каменному мостику и соединялся уже с полноводной речкой Верх-Кунгуркой. Бабы успевали полоскать в логу белье, перемывать домашнюю утварь, готовясь к Пасхе. В Барабе собирали скот, затем выгоняли на поскотину. А на поскотине десять озер и болотцев, где до сих пор водится много дичи. Возле пожарки летом собиралась молодежь. Пели песни, частушки под гармонь и балалайку. В Троицу наряжали березку и ходили с ней по деревне. На поскотине водили хороводы и устраивали игрища.

«...Зимой ребята и девки собирались у сиротских. Ребята в карты играют, девки песни поют. Санко сиротский дружил с Ванчиком Петра Александровича. Разговаривали друг с другом только по латыни, ребята их не понимали. А еще Иван обладал каким-то колдовством что ли. Заставлял ходить стол. За него не держался, командовал им издалека. Мы наблюдали и удивлялись.

-А ну-ка, стол, попляши!

И стол начинает отстукивать ножками, выведет его на улицу - и там стол продолжает лихо отплясывать. Спросит:

-Сколько куриц в доме?

Стол столько раз ножкой и ударит, или:

-Сколько мне годов?

Так и «ответит».

Очень пристальным взглядом водил по столу стакан с водой, не касаясь его руками. Как он это делал, никто не знает. Или ловко фокусничал, но мы ничего не замечали.

Молодежь постарше покупала дом на вечер, договариваясь с какой-нибудь старушкой. За это каждый что-то нес, кто полено дров, кто краюшку хлеба. Ребята семечки щелкают, в карты играют, девки прядут, вяжут и песни поют. Пьяных не было, никто не сквернословил. Помню, как к Петру Александровичу Кобелеву приезжали братья, они в городе жили, были учителями. Видные такие, красивые нарядные: в блестящих сапогах, в черных сюртуках, в шляпах... Около их усадьбы тополя, озерко. Вот они все выйдут

на берег озера с гитарой и поют. Очень красиво. Мы собирались на бережке и смотрели на них». Из воспоминаний Марии Ивановны Лубовой (Кобелевой).

Кобелев Павел Александрович, жена Парасковья, воспитывали одну дочь Екатерину. Она закончила Кунгурское педучилище, затем поступила в Московский институт. Приехала как-то в Притыки на каникулы. Побывала в соседях у Павла Авдейкова. Семья многодетная, жили очень и очень бедно. Увидев такое нищенское житье, решила помочь им. От имени Павла написала Сталину письмо, чтобы как-то помочь этой бедной семье. После отдыха поехала на учебу в Москву, а там ее уже не пустили, исключили из института, как врага народа. А Павла в это время вызывают в Орду, цензура письмо не пропустила. Павел рассказал, все как было. Ординские власти проявили бдительность, отправили донос в Москву на добрую сердцем Катю. Но у девушки стремление к знаниям было велико. Уехала в Свердловск, закончила там институт, работала потом инженером.

Пермякова (Кузовлева) Серафима Ивановна (рассказывает о ней Елена Федоровна Кузовлева, племянница Серафимы). Сима родилась в 1905 году в деревне Притыки в большой и бедной семье, в которой было три сына, Степан, Иван, Федор, и она, дочь. Родители умерли рано, когда девочке было 4 года. Жила с бабушкой, скоро умерла и она. Старший брат Степан погиб на финской, жила у среднего брата, с 7 лет была в няньках, выросла, отправили в ФЗО в Пермь. Сбежала, и за это осудили и посадили в тюрьму на 6 месяцев. После освобождения вернулась в Притыки, вышла замуж в В-Кунгур за Анатолия Пермякова. Уехали в Пермь, устроились работать на завод имени Сталина. По неизвестной причине мужа арестовали, в тюрьме и умер. Осталась Серафима одна с ребенком на руках, с дочерью Ниной. На этом же заводе во время войны изготовляли бомбы и боевые снаряды, тут и трудилась Серафима. Маленькую девочку оставляла у соседей. Очень тяжело стало жить, с голоду валилась с ног, да еще ребеночка надо чем-то кормить. Поехала обратно в Притыки. Жить негде. Взяла ее к себе Анфиса Ивановна Кузовлева, жена брата Серафимы - Фёдора, в свою крохотную избушку.

Серафима Ивановна жила в Притыках с дочерью и сыном - инвалидом. Затем, когда в 70-х годах стали жители разъезжаться, поехала и она с семьей в В-Кунгур. Похоронила дочь 42 лет. Сама ослепла, плохо слышала, не могла себя обслуживать, тем более ухаживать за сыном. Устроили её в Дом престарелых на Гайве. Сына, Александра, отправили в дом инвалидов. Сестры Шура и Аня Кобелевы (в Притыках они жили по соседству с Серафимой) навещали её.

Кузовлева (Кобелева) Анфиса Ивановна. Анфиса всю жизнь работала дояркой. Помнят ветераны-дойрки, каков был труд на ферме без механизации и скотников, делали всё сами и всё вручную. Но Фиса справлялась со своей работой, да так, что любой мужик мог позавидовать ее хватке и могучей силе. С виду она была высокой, плотной, самой проворной колхозницей в деревне.

А певунья какая! По окончании полевых работ устраивались колхозные праздники. Колхозники сидели за общим длинным столом, ели, пили. А потом Анфиса звонко затягивала задушевную старинную песню. Все дружно подхватывали. Лилась песня над родными полями, в которой боль и тоска женского сердца об оборванной войной любви.

Фиса обижалась на своего брата, Александра Ивановича Кобелева (тогда он председателем в Притыках работал), что никогда не отметит за хороший труд. После горячей полевой страды начинают подводить итоги работы в колхозе. На собраниях многолюдно. Называют передовиков, премируют, а Фисе - ничего. Спросит с обидой брата: «Что, я хуже других работаю?»

-Работаешь лучше всех, но ты моя сестра, не могу я тебя выделять,- ответит Александр Иванович.

А судьба с Фисой ох как круто обошлась! Сиротское детство. Во время войны получила похоронку на мужа, в этом же году умерли один за другим двое детей. А всего похоронила восьмерых. Никакой мерой не измерить страшную утрату бедной крестьянки. Это невыносимое горе сломило могучую женщину, заболела, увезли в больницу. Время лечит душевные раны, да к тому же еще и дочь есть, надо было жить и работать. В 1953 году Анфиса умерла в возрасте 47 лет.

В Барабе был построен 100 лет назад дом из красного кирпича на 8 окон. Фундамент выделан белой плитой. Кирпич для этого дома возил из Верх-Кунгура на лошади с кирпичного завода, принадлежащего Василию Степановичу Лубову, Александр Андреевич Кузовлев, тогда еще Санко, лет восемь ему было. Самый добротный, красавец - дом во всей деревне, и люди в нем во все времена жили добрые и милосердные, небезразличные к чужому горю. К сожалению, тяжелая доля и их не обошла.

Вспоминает Мария Николаевна Шляпникова (Кобелева): «Дом строил первый муж моей мамы Василисы - Григорий Кобелев. Было у них двое детей: Григорий и Александра. В первую мировую войну муж её погиб. Мама вышла замуж второй раз за Николая. У них родились две дочери - я и моя сестра Анна. Пока жили единолично, была лошадь, корова и другая скотина, хлеб свой. Жили в достатке. Когда стали организовываться колхозы, скот весь увели, амбар с хлебом закрыли, а нас вывели из дому под открытое небо. Раскулачили, не разрешили даже ребятишкам взять одежонку, в чем были - так и вышли. Забрали все, что было в доме. Даже краски, карандаши брата Григория, он хорошо рисовал. Старшая сестра была очень больной, мама припасла ей сверток со смертным, и его забрали. Приютили нас Кузовлевы Федор Никонорович с женой Любой, они жили рядом. Каждый день ведь есть охота, а нечего. Отец крадучись как-нибудь сходит в амбар, своего же хлеба маленько возьмет, чтобы незаметно было, хотя бы похлебку про ребят сварить. Тут как-то ушел ночью, намолотил на поле со снопов зерна, да и увидели его. Арестовали. Отсидел 6 месяцев, потом суд оправдал его,

отпустили домой. Но вернулся он уже инвалидом, не мог ходить, болела нога. Разрешили вернуться в дом. А в доме после нас устроили сушилку, пол изрубили, сожгли. Надо было ремонтировать. Голодали. Мама с Анной по дворам бегали, что получше дадут - съедим, остальное несем домой.

Отцу было все хуже и хуже, вскоре умер, умерла и старшая сестра Александра. Дров не было. На зиму уходили жить к старушке, а в это время в каменном доме была школа. Жить без отца было невыносимо. Брат Григорий в 13 лет отправился по дворам. Его взяла с собой старушка - соседка, ходили в Чернушку пешком. Там летом взяли на работу, пасти коров. Сколь заработает, сколь подадут - везет домой на санках. Мы радешеньки его гостинцам

Тут война, брата забрали на фронт, где он вскоре погиб. Мы выросли, вышли замуж. Маму похоронили. Дом продали Никоноровым. Федор Никонорович и Люба, его жена, славные были люди. Никогда ни с кем не ссорились. Люба была очень веселым человеком, к любому слову у нее шутка-прибаутка, любили ее в деревне за веселый характер. Где Люба, там всегда смех, забывали женщины о своих невзгодах. Александра Петровна Ганина (Кобелева), дочь Петра Александровича, рассказывает: «Если бы не Люба, ее щедрость, вымерли бы мы все с голода. Жили они неплохо, все-таки был хозяин, да и ребят было поменьше, чем у нас, только два сына Вячеслав да Алексей. Что-нибудь да нам несет. Глядим в окно, кричим от радости: «Люба идет, Люба идет!» То творогу ведро принесет, то сыворотки, то ошурки от перетопки сала. А что ребята не доедят, похлебку какую, все нам отдавала. Любили мы пасти коров за них, всегда хорошо кормила, сладостями угощала, да еще и денег в придачу даст. До конца своих дней будем помнить эту прекрасную женщину».

Этот кирпичный дом в Барабе стоит до сих пор, восстановлен. 20 с лишним лет гулял в нем ветер. Снег и дождь разрушили крышу и потолочные перекрытия, дом утопал в бурьяне... Выстоял, выдержал все бурные перемены в жизни. Пытались «деловые» мужики разобрать его по кирпичику, нанесли ему глубокие раны, разбивая ломом подоконники и дверной проем. Да не тут-то было. Строили раньше на совесть, на века, думали о своих детях и внуках. Живет в этом доме в настоящее время ваш покорный слуга, автор этой публикации. Низкий поклон моему деду Василию Степановичу Лубову за материал, за красный, такой прочный кирпич. Кобелевым Григорию и Василисе, что построили такой красивый дом, и Кузовлевым Федору Никоноровичу с Любой, что сохранили этот дом для нас.

Кобелевы Федор и Иван Евстигнеевичи (Чуткины) взяли в дочери родственницу (может, племянницу) Евдокию. До 12 лет она жила у них, потом отдали ее в Кунгурский монастырь, где пробыла она 10 лет. В 20-х годах монастыри позакрывали, монахи и монашки разбрелись кто куда,

обзавелись семьями, «обмирились», как про них говорили, Евдокия вернулась в Притыки, вышла замуж за Григория Кобелева.

Воспитывали они двух сыновей. Один из них 7-летним утонул весной в озере, что в центре деревни. Над озером с крутого берега нависла глыба снега, а под ней - льдина. Мальчишка прыгнул и завалило его снегом. Никак не могли найти, пока не растаял весь лед и снег на озере. Второй сын - Владимир.

Началась война, мужа у Евдокии взяли на фронт, он там и погиб. Евдокия с сыном переехала в Бурмасы, затем через несколько лет снова вернулась в Притыки. Володя закончил школу, работал в колхозе, потом поступил в сельхозинститут, женился (жена, Тамара Николаевна, жительница с. Орды), работал в колхозе «Правда» главным инженером.

Воспоминания Лубовой (Кобелевой) Марии Ивановны.

«...По праздникам все шли в церковь, дома оставались только малые дети да немощные старики. Даже у нас в деревне в тихую погоду был слышен звон колокола Ординской церкви, который возвещал о предстоящей службе. С детских лет, сколько помню себя, всегда пела на клиросе. Голос был хороший. Надо сказать, в нашей семье все пели, но больше молитвы: песни петь не разрешалось. Я больше пела с сестрами Ольгой и Фисой. Позже, когда вышла замуж в Верх-Кунгур, сестры приходили к нам в гости. Жили мы на Фадеевке, там домов было мало, чистота, красота, зелень кругом. Сядем, бывало, под окнами на полянку, как запоем на три голоса - вся деревня сходилась нас послушать.

Пока в В-Кунгуре служили в церкви, я ходила петь на клиросе, за что однажды чуть жизнью не поплатилась. Это было где-то в 30-х годах. Приехали как-то ночью уполномоченные, батюшку арестовали и увезли в тюрьму. Матушку выселили из поповского дома, и она уехала в Кунгур к родственникам с пятерыми детьми. А днем около церкви много народу собралось, приехали на тракторе, зацепили колокольню тросом и сорвали ее и купол с крестом тоже. Иконы из дверей и окон выбрасывали в костер... Кто плакал, кто веселился. Нинка Пашина кричит: «Марию, Марию надо забрать, она все время на клиросе поет!»

Да ты что! У нее ребятишки малые, некогда ей в церковь ходить.

-Ходит, я вижу.

-Да она любит петь, ведь и песни поет.

Спасибо бабам, спасли меня. И старосту Василия Степановича, свекра моего, тоже не арестовали. Думаю, что из-за кирпичного завода. Когда стали в колхозы объединяться, его вместе с заводом забрали, и он обеспечивал кирпичом весь колхоз, да и не только. Со всей округи приезжали к нему. Завод перешел ему в наследство от отца Степана, а тому - от деда Симона. А как тятка умер, так все и забросили, никому неохота стало такую тяжелую работу выполнять.

...Научили меня молитвы петь грамотно, по нотам, сестры Петра Александровича Кобелева - Екатерина и Агрофена, я была еще подростком, они намного меня старше. Зовут меня: «Айда, Маня, поможешь петь». Пели на три голоса: дискантом, альтом и тенором. Ходили к богатым петь. Нас угостят, покормят, с собой что-нибудь дадут. Я рада, что домой гостинцы несу. Мы тогда уже осиротели, все время голодали.

В Орду или в нашу часовню пойдут-опять меня с собой берут. Мне и охота, да надеть нечего. Настасья Гордеевна, жена Петра Александровича, даст мне парочку свою в церковь сходить. Нас она всех привечала, жалела: то покормит, то и с собой даст, на работу с собой брала. А что мы, угланы, сноровка-то не та. Сама работающая, делала все быстро. А то, что нам заплатят за работу, делила поровну. Пока жива, всегда буду молиться, поминать их. Очень добрые сердцем были люди.

...В Притыках была своя часовня. Раньше ведь как было: в каждой деревне свой праздник. У нас - Третье воскресенье, Казанская. Выезжал поп, служил в часовне. Люди с окрестных деревень шли в нашу часовню, а после службы местные жители приглашали всех в свой дом, не обязательно только родственников и знакомых - всех. Каждая хозяйка стряпала к празднику, готовили обильное застолье: селянки, жаркое, чай из самовара. Но пьянки не было. Никто не матерился и пьяные по деревне не ходили. Сидели чинно за столом, нарядные, вели разговоры, отвеदывали кушанья, пили неторопливо чай, щелкали семечки. К вечеру все разъезжались по своим деревням.

В Мокром поле праздник - Духов день. Все шли и ехали туда. И так в каждой деревне. А в обычные дни, особенно по воскресеньям, в часовне служили сами верующие, читали, пели молитвы, я всегда была с ними, помогала петь. Помню, икону - Тихвинскую Божью Матерь - размером с большой стол, человек шесть несли на носилках по очереди из Старого Посада по Степановскому тракту в Ординскую церковь. Со всех деревень люди собирались и шли за иконой. А кто слишком стар, не мог идти в такую дальнюю дорогу или был болен, как-нибудь до дороги его доставляли. Сидят и ждут, когда икону понесут. Ехать на лошади было нельзя, только пешком. Считалось, что, если над головой икону пронесут, избавишься от своей болезни.

...Иногда приезжал поп на лошади. Ему платили подать. Если в доме одно окно, то столько-то, а если два и больше, то и подать должна быть больше. Тятя выносил четуху зерна и так - каждый хозяин. В Петровки собирали масло, осенью - лен и хлеб. На стол клали несколько горстей хорошо обработанного волокнистого льна. В семик самую лучшую стряпню клали на могилы. Поповские сторожа едут с большими корзинами на лошади, все собирают и увозят поповским свиньям. Стало быть, поп был хозяином над нами, его, видимо, была земля, на которой мы жили. Но точно не знаю.

Раньше так много было нищих. Они ходили из дома в дом, из одной деревни в другую, ночевали, где примут, кто что подаст из пищи или одежды - тем и жили. Нищими были необязательно те, у кого не было своего дома, семьи. Из очень большой семьи, если не было возможности всех прокормить, решали, кого отправить «по миру». Однажды к нам зашел парнишка, лохматый, в рваной одежде, босой, черный от грязи, одни глаза сверкали, может, цыганенок какой. Мама не посмела пустить его в дом: вдруг больной, у самой ребятки малые. Истопила баню, вымыла его, дала нашу одежду, накормила и оставила ночевать в бане. А его одежду (была то длиннополая рубаха с чужого плеча, а в ней густо вшей) мама сожгла в бане. Сутки прошли, вторые... На третьи посмотрели – лежит не шелохнется, показалось, не дышит, умер. Мужики положили его в дерюгу и понесли на Сиянскую гору, там решили мальчонку закопать. Только из деревни вынесли, он открыл глаза, вскочил, страшно испугался, закричал, руками замахал и убежал, куда глаза глядят. Видно, несколько дней не едал, потому так долго и спал в тепле да от вшей избавленный. Жив ли он? Вряд! ли! Или с голоду умер, или на войне убили».

Семья Кобелева Александра Ивановича. Справа сестра Анфиса

Кобелев Александр Иванович всю жизнь работал председателем, а когда колхозы укрупнили, бригадирил в родной деревне. И как бывший хозяйственник очень переживал такие изменения, как появление «неперспективных» деревень. С тех лет и начал вести дневники. После его смерти мне любезно предоставила возможность перечитать записи его жена Ольга. Некоторые сведения о своей родине я взяла именно из его дневников...

Вернувшись с фронта по ранению, А. И. Кобелев разделил тяжелую участь женщин, был их опорой.

У Александра Ивановича с первой женой Вассой было шестеро детей. Все девочки появлялись на свет. И как радовался отец рождению шестого ребенка. Это был сын Миша. Васса тяжело заболела и умерла, не дожив и до 50. Оставила двух маленьких детей: Мишу 6 лет да Любу чуть постарше. Старшие дочери Валентина и Руфина вышли замуж, еще две дочери Людмила и Мария учились в старших классах. Закончив школу, уехали к сестрам. Вот тогда-то Александр Иванович и привёл из Пискунов молодую, красивую женщину Ольгу. Она-то и заменила маленьким детям родную мать. Вот некоторые отрывки из дневников А. И. Кобелева:

«...Помню, появился первый трактор «Фордзон -15» на 30 лошадиных сил в 1926 году. Мы рубили дрова, услышали, гремит что-то. Побежали посмотреть и - что за диво: трактор пашет двумя лемехами. Сама ходит машина, да еще пашет землю...»

«...Первую автомашину увидел в 1931 году - «Форд». Мы окружили ее и долго любовались. Все спрашивали шофера: «Где, да что?»

«...В этом же году я учился на курсах, чтобы работать на молотилке-двусложке, в 1933- м учился на тракториста. Работал на «Фордзоне», затем прошел курсы комбайнеров и до войны проработал на «Коммунаре». С войны вернулся инвалидом, работать на технике не мог» ...

«...Декабрь 1972 г. Что будет с моей деревней через 10 лет? Сейчас у нас 21 хозяйство. В деревне остается все меньше и меньше людей, разъезжаются кто куда. А ведь в Притыках было 55 домов. Здесь прошла моя молодость, женился, родились мои дети. Вот и до свидания, родная и дорогая моя деревня, прощай навсегда. Уеду умирать в Арсеновку...»

Александр Иванович вел регулярную переписку с земляками, родственниками, жившими в разных уголках нашей страны. В Киеве жили Пахтусовы - три его двоюродных брата. В детстве они дружили и часто бывали в Притыках. Их матери были родными сестрами. Одна из них вышла замуж в Притыках, а другая Евдокия - в Маслаевку за Алексея Пахтусова. Муж был мельником, жили в колхозном доме. Родила четырех сыновей: Василия, Федора, Григория, Ивана. По какой-то причине Алексея сняли с этой должности, а семью выгнали из дома. Глава семьи, не выдержав позора, скрылся, бросив жену с сыновьями на произвол судьбы.

Началась война. Всех четверых сыновей, кого раньше, кого позже, проводила мать на фронт. Получила похоронку на мужа, на старшего сына Василия, от остальных детей бедная женщина не получила ни одной весточки. Зима, холод, жить негде. Собрала Евдокия свои скудные пожитки на саночки и отправилась на Банное с внуком (невеста первого сына отказалась от ребенка и привела мальчонку к бабушке). Решила поселиться в отцовском пустующем доме. Родители умерли, а дом, видимо, после их

смерти стал принадлежать сельскому совету. Не пустили ведь женщину! Куда податься? Пошла в -Кунгур к племяннице Марии Ивановне Лубовой. А у нее самой большущая семья и жили в небольшом доме. Зиму прожила. А весной Евдокия заболела, и очень тяжело. С каждым днем ей становилось хуже и хуже. Решили переправить ее с мальчиком в Кунгур к другой племяннице Татьяне, у неё хоть семья поменьше. Долго лежала в больнице и рано умерла. Кончилась война. Татьяна узнала, что остальные три сына Евдокии живы и живут и в Киеве. Отправила к ним мальчика одного, а было-то ему лет 8-9. Доехал ведь, нашел. Помогли дяди подняться ему на ноги. Последний сын Евдокии Пахтусовой - Григорий Алексеевич был у нас и в Притыках в 1987 году на бриллиантовой свадьбе моих родителей. Не был в родных краях 45 лет. Эго была незабываемая встреча! Вот только когда он узнал о судьбе своей матери.

Военное и послевоенное время было очень тяжелым для всех. Но люди приходили на помощь друг другу, делили радость и горе пополам. Сколько людей находили приют в доме моих родителей. Отец, несмотря на сложный характер, порой невыносимый, никому не отказывал и тем более не выгонял. Все-таки он по-своему понимал боль другого человека. И спасибо ему за это.

А больше всего доставалось маме. Ведь ей надо что-то поставить на стол для всех, когда порой не знала, чем накормить собственных детей. Куда-то уложить спать, чем-то укрыть. Я сколько себя помню маленькой девчушкой, то всё какие-то больные женщины лежали со мной у нас на печи. Это и Маруся, младшего брата жена, с маленьким ребенком, и сватья Шура из Перми с троими детьми, убежавшая от изменника мужа. Шура тоже рано умерла, в 40 с небольшим. Двоих ее сыновей отец на учебное время забирал к себе, а когда начинались каникулы, отправлял в деревню. Все притыкинские ребята учились в Верх-Кунгуре в начальной школе. Племянницы целыми зимами жили у нас. Продуктов не высылали, знали, все равно Мария чем-то накормит. Отец пойдет в амбар, посмотрит, а мука быстро убывает, закричит на маму: «Куда хлеб девала, продала?» А у нее каждый день квашня, семья-то около 10 человек. Я сейчас удивляюсь, как у мамы хватало сил, внимания, терпения на всех! Как везде успевала? Она тоже, как и все, ходила на работу...

Кобелев Петр Александрович с женой Настасьей воспитали двоих детей - Ивана и Анну. Когда жили единолично, жили справно, нужды не знали. Помнят их очень порядочными и уважаемыми в деревне людьми. Смолоду Пётр много странствовал, ходил на заработки, был в Венгрии, Чехословакии, Польше, Германии. Овдовел, женился в 50 лет второй раз на 27-летней вдове Елизавете. На старости лет хлебнул горюшка и нужды сполна: 5 детей, война, голод. В сталинские времена на чём свет ругал советскую власть и коммунистов. На собрания не ходил. А жена рада была, что он сидит дома, понимала, что не выдержит, выступит на собрании. А если его посадят,

лишится кормильца. Спросят у нее, почему нет, скажет, что болен. И действительно, он уже был больным и не по годам старым человеком.

Во время войны в Климихе меняли масло на хлеб. Как-то скопила Лиза масла, повез Петр в Климиху. А там зашел проведать тещу. В это время у него с повозки кто-то украл мешочек с маслом. Вернулся домой — ни хлеба, ни масла. Спустя много лет Лиза вспоминала, когда уже жила в Лобаново: «Ездила в церковь в Юг. Там встретила случайно с очень знакомой старушкой, вместе бегали, когда жили в Хорьках. Несколько раз ночевала у нее. И вот как-то сидим с ней, вспоминаем, как жили раньше. Она как упадет мне под ноги, заплакала и просит прощения. Вот тут она покаялась, призналась через 45 лет, как выкрала масло, да хоть бы сама съела, а то свиньям выбросила». Обидно ей было, что у нее мужик на фронте, а Лиза живет с мужиком. А Петра не взяли на войну по старости. Работал в колхозе, да еще, бывало, баню или конюшню кому срубит. Брал на такую работу с собой сынишку Сережу, чтобы покормить его. Дадут хозяева поесть что-нибудь, сам не притронется, сыну отдаст. Тяжелая работа, голод подорвали здоровье у Петра, долго лежал в больнице и в 1949 году умер. Оставил Лизу с оравой, старшей - 15 лет, а младшей — 1,5 года. Старшую дочь отдала в няньки, вторая дочь, Шура, подросла - и ее в няньки отправила в Пермь, да еще на иждивении остались Анна, Сережа и Вера. Сережа ходил в лаптях до 1953 года.

Возжаева Мария Степановна, 1906 г.р. – сестра Елизаветы Степановны Кобелевой (Возжаевой). Она жила в Хорьках с матерью Марфой Владимировной, 1885 г.р. Замуж Мария не выходила, детей не было. В колхоз не вступала, больше работала по найму. Когда у Елизаветы умер муж Пётр, Марфу привезли к ней в Притыки. Чем могла помогала по хозяйству, с детьми нянчилась. Мария часто прибегала в Притыки. Что-нибудь да несёт: ягод или грибов по пути насобирает, заработанные продукты или товар какой. Нажнёт серпом в яме или в лесу - бежит к сестре по Серёжу с тележкой. Погрузят, обязательно вениками закроют, чтобы не видели, что траву везут. Косить не разрешалось. Ходила в Чернушку на заработки, жала хлеб, в няньках была. Кому лапти сплетёт, кому шерсть почешет для пряжи. Заработок несла в семью сестре. А после смерти матери Марфы перешла жить к Лизе. Серёжа вспоминает: «Клубники было очень много. Кока, так в семье и деревне называли Марию, убежит в лес ранёхонько, насобирает ягод, я её встречаю. А потом отправляемся с ней в Орду с четырьмя корзинками ягод на тележке для продажи». Мария была добытчицей и главной работницей в семье. Благодаря ей и держали корову. Очень доброжелательная, приветливая, всегда с улыбкой и добрым взглядом. Любили её дети и внуки Лизы. В деревне никогда и ни с кем не ссорилась. Не побереглась. В марте выбрасывала навоз из конюшни, жарко стало, скинула с себя одежонку и простыла. Умерла в 1970 году.

Табашный околоток

Здесь жила в основном беднота. Было много домиков с одним-двумя окнами. Большинство жителей свое хозяйство не вели, нанимались на работу к богатым. Состоятельными считались только Вахрушевы (Еремины) Иван Васильевич и его сын Ефим, жили на одной ограде. У них была своя молотилка, вили веревки и канаты из льна и конопли. Они нанимали людей на работу.

В этом же околотке жил **Кобелев Петр Степанович** с женой Анной, воспитывали троих детей: Николая, Клавдию, Василия. Жили справно. При Советской власти брат Петра, Михаил, стал первым коммунистом, ходил с наганом. В деревне его звали Мишка-комиссар. Его жену Фёклу в деревне звали Фекола, детей не было. Петр Степанович развёлся с женой Анной, построил для неё и детей новый дом. Со второй женой, Леной, по паспорту Евгенией, родились трое детей: Иван, Михаил, Мария. И для новой семьи Пётр Степанович поставил дом. Мало в нём прожили, переселились в Арсёновку. Оба брата фронтовики. Вернувшись, трудились в колхозе.

Кузовлева (Паутова) Татьяна Семёновна, 1914 г.р. Муж Кузьма Иванович, 1911 г.р. пропал без вести во время Великой Отечественной войны. Татьяна одна вырастила двоих сыновей: Мишу и Ивана.

Кузовлев Егор Иванович, 1900 г.р., жена Анна. В деревне их звали Гордиевы. Оба трудились в колхозе. Семья многодетная. Жили в большом пятистенном доме. Старшие дети выросли, уехали в Кунгур в 50-х годах. Остались Анатолий и Нина. Нина - красавица, раскудрявая головка, весёлая, ловкая во всём. В школе лучшая бегунья. Тренировалась постоянно. Мать как-то отравила её по воду. Показалось, что очень долго ходит. Поглядела в окно и кричит: «Егорша! Лико-лико, чё девка-то делат!» Нина воды давно набрала, колодец закрыла и, держась за крышку, устроила бег на месте.

Ездили с концертом в Верх-Кунгур. Люся бригадирова и Нина выступали с юморным акробатическим номером: сцепившись друг с другом руками и ногами, выделяли удивительно чудные трюки, требующие гибкости, ловкости и смелости. Зрители смеялись, хлопали, свистели и требовали повторить ещё и ещё. Пойдём летом по землянику. Нина убежит, быстренько ягод наберёт и – домой. А мы собираем дальше. В клубе заиграет гармошка - Нина пускается в пляс и быстрее всех поёт частушки, никого не слушает и не ждёт! После школы пошла работать на ферму. Всегда в передовиках!

Южанинов Фёдор Григорьевич, 1898 г.р. Погиб в 1943 году. Жена Анна с дочерьми приехали из Верх-Кунгура в 50-х годах. Четверо дочерей. Старшая Павла осталась в Верх-Кунгуре. Анфуса и Маруся работали на ферме. Елизавета – инвалид (ДЦП). Хозяйством в доме занимались Анна и Лиза. Лиза научилась шить, прясть шерсть, вязать, следить дома за порядком, готовить. Работала почтальоном. Принимала участие на сенокосе –

подскребала сено. Как-то во время передышки мы пошли умыться к лесному озеру. Ребята подкрались и давай нас кидать в озеро, в том числе и Лизу. Мы испугались за неё. А она, как нам показалось, даже рада была, что её уравнили со всеми. Помогли ей выбраться и долго все смеялись. Ходила она, конечно, с трудом. Анфуса вышла замуж за Логинова Мишу. Высоченный, громогласный, могутный, но строптивый. При общении с ним осторожничали, побаивались. Но очень нужны были семье мужские руки. Он еще и дополнительно подрабатывал. По трафарету разрисовывал ковры к кроватям. Вот и бегали бабы к нему с куском ткани. Платили по 5 рублей. По всем избам висели одинаково размалёванные яркой краской коврики.

Однажды в мороз истопили баню, она в огороде стояла. Баня готова и все четыре женщины ушли мыться. Показалось Мише, что долго не возвращаются. Пошёл к ним, дверь распахнул, а они лёжкой лежат – угорели. Давай их перетаскивать домой. Очухались ведь!

После уборки зерновых бригадир отправил трёх мужиков метать зароды из соломы. Миша наверху укладывает, а мужики подают ему. Приехал бригадир и стал придирается к Мише. Страшно заругались. Мишка соскочил с зарода и с вилами бросился на бригадира. Тот бежать, да запнулся и упал. Мужики догнали, но он успел вилами размахнуться с криком: «Запорю! Убью!» На волосок от смерти был Александр Иванович. Чего только не было в нашей маленькой деревне. Через два десятка лет они уехали обратно в Верх-Кунгур.

И последний околоток в деревне назывался **Подсосны**. Да, там растет сосна, но единственная, да какая: величава, стройна и могуча, двое не смогут ее обхватить. Налетающий ветер раскачивает огромные сучья с пушистой хвоей у самой вершины. Это дерево - единственный свидетель всех событий, происходящих в деревне. Ему более 200 лет. Все приезжающие земляки обязательно заходят к сосне.

В последнем большом доме у дороги жил **Шляпников Прокопий Степанович**, 1900 г.р., участник ВОВ. После войны работал кузнецом. С женой Агрофеной вырастили пятерых детей. Старшие повзрослели, уехали. Семья поубавилась. Решили перебраться с двумя детьми, Мишей и Верой, в центр деревни. Дом поменьше, да и колодец в ограде. В 70-х годах уедут два старика доживать в Орду.

В Подсоснах четыре озерка. Если в других околотках растут в основном тополя-громадины, черемушник, да кое-где березы, то здесь, на берегу одного озера, целый березовый лесок, где в летнюю пору можно набрать грибов. Следующее озерко, окруженное густым плакучим ивняком, расположено в центре околотка. Вода в нем всегда прохладная, чистая и вкусная. Озеро было обнесено изгородью, вода использовалась для питья. У другого озерка, вернее болотца, поросшего по краям густой осокой, распустила свои длинные косы белоствольная береза. Тут же возле черемухи

- банька с крохотным оконцем. Последнее озерко возле дороги служило водопоем для скотины. А величественные тополя на его берегу - прекрасным «чесалом» для животных.

И еще в Подсоснах жила знаменитая на всю округу старая глухая бабка, все звали ее Наташа. Она была отличным костоправом. С вывихами рук и ног ехали к ней, поправляла здоровье людям безвозмездно, не использовала свои умения и возможности для наживы. С переломами она отправляла в больницу, знала, что не сможет помочь. Жила в махоньком домике с одним окошком, где размещались только лавка, стол да русская печь и была вполне счастлива тем, что делала людям добро.

Здесь же располагались колхозные амбары с зерном. В Подсоснах было около 8 домов.

Еще на поскотине, по хорьковской дороге, около Одины, напротив озера Рыбницы было поселение под названием Митюжата, состоявшее из 7 дворов. Там жили братья, в народе их звали митюжата, как и их поселение. Оттуда приехал в Притыки Кобелев Дмитрий Прокопьевич (Домнин). Стало быть, его родова и жила там. Итак, в деревне Притыки насчитывалось с 1907 по 1970 годы от 50 до 30 дворов. Люди здесь жили в основном работающие и дружные,

знавшие цену куску хлеба.

Февраль 2024

Орлова (Кобелева) Ираида Леонидовна

Семья Кобелевых Дмитрия Дмитриевича и Анфисы Кузьмовны

Мои дедушка, Кобелев Дмитрий Дмитриевич (1910 г.р.), и бабушка, Кобелева Анфиса Кузьмовна (1907 г.р.), – уроженцы деревни Притыки. Дедушка работал в колхозе на разных работах. По состоянию здоровья на фронт призван не был, поэтому в военные годы постоянно был на лесозаготовках и на лесосплаве. Дома

приходилось бывать редко. С детьми и хозяйством справлялась бабушка одна.

По ее словам, жилось очень трудно, голодно. После войны дедушка работал также в колхозе, конюхом, сторожем. Очень хорошо играл на балалайке, пел какие-то протяжные песни, частушки. Любил ходить в лес за грибами. Сам сажал огурцы на рассаду и ухаживал за ними, но нам детям, самим рвать огурцы не разрешалось. Бабушка, Анфиса Кузьмовна, также трудилась в колхозе на разных работах. Во время полевых работ, когда открывали детские ясли, работала там няней. Вечерами то пряла шерсть на пряже (прялке), то вязала носки и варежки. Нам, внукам, часто читала книги, какие-то стихи она знала наизусть. У них было восемь детей, четверо из них умерли еще маленькими.

Мой отец, Кобелев Леонид Дмитриевич (1936 г.р.), еще подростком начал работать в колхозе, пас коров, телят. Окончил 7 классов школы, затем выучился в Суксунском СПТУ на тракториста. После службы в армии и до выхода на пенсию работал в колхозе на колесных тракторах. Был в числе передовых механизаторов бригады. Заработал право на внеочередное приобретение мотоцикла «Урал». Вручались Почетные грамоты, не раз о нем были публикации в районной газете «Верный путь». Работал с утра до вечера, выходных не было. Мы, дети, видели его в основном по вечерам. Когда учились с сестрой в начальных классах, помогал делать уроки, решать задачи. Очень хорошо играл на гармошке.

Мама, Кобелева (Чупина) Лидия Ивановна (1941 г.р.), родилась в д. Пискуны. В 18 лет вышла замуж. Работала в основном в колхозе на ферме телятницей, дояркой. Также была в числе передовых животноводов бригады, не раз о ней были публикации в районной газете «Верный путь», вручались Почетные грамоты, премии, благодарности. Имеет медаль «Мать-героиня». У моих родителей нас 13 детей (трое умерли маленькими). первый класс в Верх-Кунгурскую школу я пошла в 6 лет, т. к. умела уже читать меня решили отдать рано. Зимой нас, нескольких малышей, закутанных в большие дорожные шали, возили в школу на лошадях с санями. Обратно уже баловались, вываливались в снег, бежали за санями. Ранней весной со старшей сестрой шли в школу в сопровождении папы (он на работу в Верх-Кунгур), т.к. разливался лог, по логу шла вода и папа переносил нас на руках. А как подсохнет, уже в мае, ходили после школы из Верх-Кунгура пешком с одноклассниками (Таня Батуева, Коля Шляпников). Шли долго, приходили домой чуть ли не под вечер. Какое-то время жили с сестрой в школьном интернате, но все равно часто уходили с ней домой в Притыки. Так как семья была большая, и хозяйство было большое, поэтому летом помогали пасти коров, овец. Около деревни находится несколько озер. Самое ближайшее озеро было очень чистым, в нем полоскали белье, тут же на траве раскладывали, оно подсыхало. Много времени проводили на улице и летом, и зимой. В 1972 году мы переехали в Верх-Кунгур, отец с бабушкой построили свой дом.

Кузовлева Александра Васильевна,
Пермякова Клавдия. Дети: Батуевы
Клавдия, Любовь, Алексей, Пермяков
Иван, Кузовлева Галина. Фото из
семейного архива Кобелевой (Батуевой)
Клавдии

1913г. Кобелев
Владимир
Павлович

1970г. Проводы в армию
Алексея Батуева

1952 год

1963г. Кобелев Александр, Кузовлева Татьяна, Кобелева Татьяна, Кузовлева Любовь, Кобелева Лидия, Лубова Вера, Кузовлева Нина

1963г. Анатолий Кузовлев, Иван Богомолов, Василий Чупин, сёстры Вера и Шура Кобелевы, Вера Лубова

Чеглакова
Антонида Кузьмовна

Шляпникова Мария Николаевна,
Павленко Ефросинья Кирилловна,
Кобелев Сергей Петрович,
Кобелева Елизавета Степановна,
Возжаева Анна Николаевна,
Кобелева Татьяна

1966 год, Верх-Кунгурская восьмилетняя школа

Учитель! Перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени

В канун Дня учителя поведу рассказ об учителях. Надо отметить, что из нашей деревни вышло немало умных, талантливых и образованных людей, получивших среднее или высшее образование. В то время, в 30-40-е годы, это было редкостью. Уже знакомая вам семья **Петра Ивановича Кобелева (Семахины)**, в которой воспитывалось четверо детей, трое из них стали учителями.

Евдокия Петровна, его дочь, после войны закончила Кунгурское педучилище, и вся педагогическая деятельность прошла в Ординской начальной школе, некоторое время была инспектором района. В настоящее время проживает в г. Перми. **Александр Петрович**, сын, закончил Пермский университет, работал учителем математики в Верхних Городках Пермской области. Затем семья переезжает в Татарстан в г. Елабуга, где он преподаёт на кафедре математики Елабужского пединститута. **Александра Петровна**, дочь, пошла по стопам старшей сестры. После получения педагогической профессии работала в школах Притык, Верх Кунгура. Это моя первая учительница. Как сейчас вижу её: высокая, худенькая женщина, в тёмном платье с белым кружевным воротником, гладко зачёсанные волосы на прямой ряд, заплетены в косички, которые уложены на затылке. Спокойный ровный характер, никогда не повышала на нас голоса. Мы её очень слушали и любили. Через некоторое время семья Александры Петровны переезжает на

станцию Ферма, где она и работала в школе до выхода на пенсию, и проживает там по сей день.

Вспоминает Анна Петровна Кротова, старшая из детей Петра Ивановича:

-Сидим бывало вечерами, учим уроки, Шура, брат, больше увлекался математикой. Решает алгебраические выражения, размышляет вслух... А отец в это время сидит на пороге, курит и выдает готовый ответ. Мы диву давались, как он мог, так быстро решать задачи со своими двумя классами приходской школы. Вот откуда такие одаренные дети у Петра Ивановича. Кстати, Анна Петровна в 30-е годы успешно закончила Кунгурский лесотехникум,

Две дочери **Кузьмы Никитича Кобелева** тоже получили учительское образование. **Антонида Кузьмовна** с 1903 года рождения почти всю трудовую жизнь работала в Ординской средней школе математиком. В настоящее время ее уже нет в живых, умерла на 92-м году жизни. **Екатерина Кузьмовна** после окончания школы училась на рабфаке при пединституте три года, потом еще два - на биологическом факультете. «Никогда не забуду», - говорит Екатерина Кузьмовна, - как стояли в очереди за хлебом. Это было еще перед войной. Давали хлеб по карточкам. В комнате жили 6 студенток и на всех одни бурки. На улице мороз, сменяли друг друга, и только к утру получали положенный паек. После учебы направили меня в Сивинский район. Во время войны поехала домой. Никак не могу попасть на поезд. Идут эшелоны на фронт, а с фронта везут раненых, пассажиров не берут. Добралась до облоно. Там взяла справку, что еду в Орду на работу. Только тогда едва попала на поезд. Всю жизнь проработала в Шляпниковской школе биологом. Вышла на пенсию, приехала в Орду, так все здесь и живу... Спасибо коллективу Ординской школы, уделяют мне внимание, не забывают». Как мало надо старому человеку. Рада собеседнику, на лице добрая улыбка, хлопчет с чаем, разливая его в чашки, подаренные Ординской школой.

Иван Петрович Кобелев выучился на филолога, преподавал в Ленской средней школе. Работал как-то на уборке с учащимися, очень сильно простыл, заболел и умер в зрелые годы.

Валентина Федоровна Кобелева, тоже уроженка Притык. Эту учительницу хорошо знают и помнят жители с. Опачевка. Тоже преждевременно ушла из жизни.

Ну и нас с сестрой я тоже отношу к учителям, выходцам из Притык. Родились мы в Верх-Кунгуре, но потом, в 50-х годах наша семья переехала в Притыки. Поехали получать образование из этой деревни. Во время учебы я практиковалась у Елены Дмитриевны Колесниковой в В-Кунгуре и у Валентины Сергеевны Поповой в Бурмасах. Получив диплом, работала по направлению в Кунгурском районе 5 лет и 20 лет в Лобановской средней школе. Моя сестра **Валентина Андреевна Симонова** сначала закончила дошкольное училище. Оказалась там случайно. История довольно забавная.

Окончив школу, Валя поехала в Пермь. Надо было куда-то поступать. По натуре своей, в противоположность мне, она была очень бойкой, энергичной девушкой. Шла, шла по улицам города, обратила внимание на вывеску на здании «Хореографическое училище». «О, это по мне, - смекнула деревенская девушка, - петь я люблю». Пошла по коридорам, поднялась на второй этаж, а там разные выставки, поделки учащихся дошкольного педучилища. Глаза разбежались. Дело в том, что оба училища помешались в одном здании. Так Валя стала студенткой дошкольного педучилища. После его окончания работала воспитателем в В-Кунгурском детском доме, затем поступила в пединститут на дошкольный факультет, получила диплом с отличием и уехала с семьей в г. Ирбит Свердловской области, где преподает в педучилище анатомию, педагогику и психологию.

С большим удовольствием хочу назвать ещё одну учительницу, молодую, энергичную. Это **Ирина Трофимовна Батуева**. Родилась она в Притыках. Правда, увезли родители девочку в В-Кунгур, как раз в те времена, когда деревни разъезжались. Она получила образование, стала учительницей и работает в В-Кунгурской школе. Все равно она наша, притыкинская. Пользуясь случаем, хочу от чистого сердца поздравить с профессиональным праздником учителей ветеранов, проживающих в с. Верх-Кунгур. Я навестила их в канун праздника. Это люди с открытыми сердцами, прекрасные собеседницы, гостеприимные хозяйки.

Наталья Владимировна Пивоварова родилась в большой семье, в которой воспитывалось 7 детей. После школы закончила Кунгурское педучилище. Очень мечтала Наташа учиться дальше, поступить в институт, как ее подруга, жившая по соседству. Но подруга была единственной дочерью в семье. А Наташу мама не отпустила, о чем очень сожалела спустя годы. Наталья Владимировна начала свою педагогическую деятельность в Верхкунгурском детском доме. С каким волнением вспоминает она о своих питомцах, а их было - в детском доме около 100 человек, называя их по именам, о их трудной судьбе. Рассказывает о своих коллегах, с которыми проработала много лет. Вспоминает с любовью, с глубоким уважением. После расформирования детского дома разъехались сотрудники - кто куда. Но она помнит их, знает, где они проживают и как сложилась их дальнейшая судьба.

Елена Дмитриевна Колесникова с 38-летним педагогическим стажем, старейшая учительница села. Несколько поколений училось у нее. Елена Дмитриевна с сожалением говорит, что слишком уж строгой была. Но, наверное, твердость характера и помогла ей выдержать все тяготы в военные и послевоенные тяжелые годы как в школе, так и дома. Личная жизнь у Елены Дмитриевны не сложилась. Одна воспитывала 2-х дочерей. Никто не видел ее слез в минуты отчаяния, только по ночам бывало наплачется в подушку, а утром снова в школу, к своим ученикам. Елена Дмитриевна вспоминает: «После войны проживало в Верх-Кунгуре и в окрестных деревнях много

эвакуированных. За счет их была высокая наполняемость классов, около 40 человек в двух классах на каждого учителя. А какие ученики! Семнадцатилетние верзилы! Это в начальных-то классах рядом с 7-летками. Учителя не могли с ними справиться, и что бы их хоть чему-то научить, оставляли на повторное обучение. Они мне все и достались. Спросишь такого на уроке, как Миша Кирильчук, а он встанет вместе с партой, так как вылезть из нее не мог. Так и проводили его на службу в армию с начальной школы».

Анна Ивановна Бисерова после окончания школы самая первая из деревни поехала «учиться на учительницу», да к тому же отец пообещал купить новые ботинки, а ходили то в лаптях. Как тут не поедешь? Отец видел, что все его 4 дочери были способными и сделал все, чтобы они получили образование. Вслед за сестрой получают педагогическое образование **Екатерина Ивановна** и **Таисья Ивановна**. Большую часть своей жизни они работали в Верх-Кунгуре. Общий педагогический стаж сестер около 100 лет.

Анна Петровна Концевая, проработавшая около 30 лет в школах Ординского района, проживает в настоящее время со своим мужем в Верх-Кунгуре. Как тяжело им жить! Оба инвалиды. Хозяйство вести не могут. Большую часть времени проводят в четырех стенах. Явно не хватает общения с людьми. Муж, пока не потерял зрение, ездил несколько раз в Орду, обивал пороги в организациях, требуя установки телефона на дому, больше для жены. Сейчас все же легче вызвать во время приступа скорую помощь. Анна Петровна благодарна медикам скорой помощи за то, что всегда выезжают к ней по первому же вызову. Бывает, ведь и по два раза в день приходится делать вызов. Приезжают. Всегда они тактичны и внимательны.

Все эти учителя, о которых я так кратко написала, отдали школе все свои знания, творчество, здоровье. Все они были энергичны, работали с огромным вдохновением и относились к своему делу с большой ответственностью. И каждая была талантлива по-своему. Например, Екатерина Ивановна Бисерова, смолоду сочиняла стихи, в праздники дети читали ее стихи, пели частушки, которые придумывала она же. А когда ее дочка пошла в школу, на школьных утренниках она рассказывала мамины стихи.

Сейчас ветераны на заслуженном отдыхе. Но отдыхом это назвать трудно. Мучают болезни, возраст дает о себе знать. Но они не падают духом, не жалуются на тяжелую, в общем-то, жизнь. Еще как могут, помогают сельчанам.

Низкий поклон вам, уважаемые Учителя! С профессиональным праздником вас, работники Верхкунгурского детского сада и коллектив учителей неполной средней школы! Пусть ваши воспитанники станут нужными людьми, чуткими, внимательными, добрыми сердцем и душой. Творческих успехов вам! С глубоким уважением к вам В. КОБЕЛЕВА.

Верный путь, 27, 30 сентября 1995 г. PS. Кобелев Дмитрий Ильич, учился в педучилище в 1930г. Вышел на пенсию в 1970г. Летчик. Генерал-лейтенант.

Лубов Андрей с женой Марией, Кавардакова Нина (дед Мороз), Павленко Ефросинья, Кобелева Лиза, Кузовлев Александр

1978г Рудаков Яков Георгиевич на встрече с земляками

Василий Андреевич Чупин, журналист, полковник в отставке, жил в Притыках до 1967 года.

Время идет... Будто незримым метрономом четко отсчитываются дни, недели, месяцы и даже годы. Причем чем старше становимся, тем отчетливей чувствуем, как этот незримый метроном ускоряет и ускоряет неумолимый холодный отсчет. Начал замечать, что часто забываю про то, что было неделю назад или даже вчера, но хорошо помню, порой до малейших подробностей, многое из далёкого деревенского детства и школьной юности. Уверен, я здесь не одинок, и многие мои ровесники могут сказать то же самое.

Что это? Возможность осмыслить прожитую жизнь? Или же мой разленившийся на пенсии мозг и уставшее сердце понимают, что они скоро угаснут, а сознание улетит в бесконечность бытия? Не знаю. Возможно и так, только пока движемся – живем!!! И когда мне редакция творческого выпуска предложила написать о родной деревне под странным названием Притыки, волна сумбурных воспоминаний нахлынула, как некогда весеннее местное половодье.

В любом потоке, даже мысленном, вычленишь что-то главное, особенное, присущее только чему-то конкретному и важному, непросто. Так и здесь. Старая добрая наша деревенька в те насытые послевоенные, конца 40-х и начала 50-х, годы мало чем отличалась от близлежащих и даже отдаленных деревень. Четыре десятка крестьянских домов, стихийно сложившихся в околотки и выселки, традиционной местной архитектурой особого впечатления не производили. К тому же то тут, то там на постаревших избах – порой только в два окна на улицу – чернели трухой взерошенные соломенные крыши. Скрашивали небогатую обстановку единственный красный кирпичный дом рядом с осиротевшей часовней, переоборудованной позднее в сельский клуб, да несколько жилых построек в так называемом местными Богатом околотке, построек, возведенных, наверное, еще во времена дореволюционные. Причем понятие подчеркнутого богатства в околотке и тогда, и сейчас кажется мне весьма относительным.

Любому путнику, впервые посетившему деревню, обязательно бросились бы в глаза в деревенских проулках высоченные и толстенные тополя, буквально увешанные множеством – тысячью, наверное, – грачиных гнезд. Беспокойная колония черных с металлическим отливом пернатых вредителей, ранней весной первыми возвращавшихся из южных краев, особым уважением у сельчан не пользовалась. Хозяйские огороды со всходами на них эти громогласные санитары колхозных полей и одновременно местные пакостники считали своей законной вотчиной. Пока были не накрыты для них пахотные столы в полях, грачи обедали прямо на частных грядках. А когда появлялись в гнездах птенцы, гомон радости от наших заботливых и явно не

райских птичек стоял невероятный, прямо беда! Не забыть! Месяцем позже возвращались домой скворцы, и, пожалуй, не было в деревне дворика, над которым не возвышался бы самодельный скворечник и не разливались бы залиvistые трели любимцев детей и взрослых. Тоже очень памятно.

Притыки – это еще и изобилие кустов сирени и черемухи в огородах, проулках и даже за околицей. Госкливая, в снежных сугробах зимняя деревня в пору цветения становилась завидной разнаряженной невестой, в которую невозможно было не влюбиться.

Перекресток восьми дорог

Почему наши давние предки, положившие основание первому поселению, выбрали для проживания именно это своеобразное плато в окружении смешанных лесов и всего в несколько сот гектаров не такой уж и плодородной пахотной земли, – вечная загадка, которую не возможно разгадать. Приоритетом у переселенцев в старину всегда считались места близ проточных водоемов, а Притыки богаты были лишь озерами. Только кого из нас, ребята послевоенного производства, это тогда волновало. Все блага для счастливого беззаботного детства, как нам казалось, были юной деревенской, поросли предоставлены сполна.

Правда и то, что каких-то интеллектуальных развлечений в деревне, увы, не было. Первое кино смотрел лет в шесть. Тогда в огромный крытый двор Александра Афанасьевича Кобелева стянулись чуть ли не все жители деревни. Взрослые плодами отечественной кинематографии тоже были не избалованы.

Кстати, о фамилиях. В Притыках того времени в основном проживали семьи с фамилией Кобелевы и Кузовлевы и только две – Шляпниковы да одна – Кавардаковы, других просто не вспомню, может быть, кроме меня, Чупина, были еще.

Не знали мы, да и не задумывались никогда о том, что именно наша небольшая деревня имеет исключительно редкую особенность, особенность, которой нет ни в ближайшей, ни в дальней округе. Именно из Притык и через Притыки шли в те отдаленные годы минувшего века, постоянно поддерживаемые местным населением гужевые пути в Орду, Верх-Кунгур, Мокрое поле, Климиху, Хорьки, Бурмасы, Епиши, Подзуево. Даже в зимнее время санные колеи отмечались вехами из срубленных сучьев хвойных деревьев. Кто-то из читающих эти строки может привести подобный пример? Вряд ли.

Память. Она весьма избирательна, порой с легкостью сбрасывает, как балласт, любые события, даже знаковые, которые, казалось бы, должны прочно закрепиться в вихрастой подростковой головенке. Но иногда даже

эскизные наброски чего-то второстепенного порой всплывают в памяти интереснее и ценнее всяких вполне завершенных эпизодов.

У каждого из нас своя на небе звезда

Отчетливо помню, например, как с мамой Анной Дмитриевной поздним январским вечером возвращались домой от родственников. Мороз стоял такой, каких сегодня не бывает! Я в санках отцовского производства, закутанный шалью, с удивлением наблюдал, как юрко струятся из печных труб и гаснут в вышине разноцветные вертикальные столбики дыма. Но больше всего впечатлил огромный ярко-синий звездный небосвод. Мне не виданное раньше удивительное небо, усеянное великим множеством мерцающих звезд и звездочек, показалось чем-то необъяснимо мистическим и под гипнозом их серебристого сияния сохранилось в детском сознании именно как волшебное притыкинское небо.

С тех юных лет мне довелось проехать не полмира, конечно, но все же немало территорий в России, в ближнем и дальнем зарубежье. По долгу службы доводилось многократно провожать тревожные закаты, встречать бодрящие рассветы на армейских полигонах и даже бессонно бдить ночные звездные всполохи. Но ни здесь, в России, ни за ее большим бугром не довелось увидеть таких же манящих и будоражащих мерцанием звезд на пронзительно чистом небе, какое морозным январским вечером я увидел над скукожившейся от стужи деревенькой.

Когда-то - давно уже, но памятно - великий Шекспир подарил нам умную мысль, мол, «есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Вот и сегодняшней Я допускаю: где-то такие дивные природные картины действительно имеют место быть. Только вот тот пятилетний Василёк, закутанный в бабкину шаль, сидящий на скрипучих на стылом снегу санках, продолжает утверждать: нет, такое небо может быть только над моими Притыками.

Кто нас выводит в чемпионы, кто нас выводит в мастера...

Уже упоминал, что для счастливого беззаботного детства российская деревня 50-х годов – а наша ординская сторона здесь не исключение - предоставляла самые широкие возможности. Проснешься, помню, где-то близ полудня – родители на работе, за заслонкой в русской печи какой-никакой, но всегда был перекус, чаще жареная картошка, в погребе - молоко, простокваша. Умял все по-быстрому и - полная свобода! Главное было найти одного - двух «соратников» из тоже уже выпавшихся - и вперед! Рядом озера, где мы до посинения принимали водные процедуры, не обращая внимания на пиявок и случайные зеленые коровьи лепешки. До леса в

Притыках – тоже рукой подать. Хочешь землянички, или грибы поманили – пожалуйста, комары, пауты, слепни и прочие кровососы тебя уже поджидают. Но разве это кого-то и когда-то останавливало!

Еще более азартным занятием для мальчишек было рытье в лесу землянок, сооружение на деревьях лабазов и вывешивание качелей. Всё, как, наверное, и в соседних деревнях, всё, как было у всех, пока за «воспитание» нас, послевоенного производства мальчишек, не взялся Сергей Кобелев – авторитет у подростков и лидер всех наших забав и приключений. Он был старше лет на шесть-семь и организовал своеобразную спортивную секцию. Мы, шестеро восьми – девятилетних пацанов, азартно соревновались в подтягивании на самодельном турнике, в прыжках в длину и высоту, изображали спринт, метали самодельную же «гранату», толкали «ядро» (гирыку). Позднее мы метали уже настоящий диск и настоящую же гранату, купленные на деньги от собранного и успешно сданного металлолома. Да и просто свое «свободное» время проводили чаще всего под его же крылышком. До сих пор, хотя прошло с тех далеких времен больше шестидесяти пяти лет, с благодарностью вспоминаю и высоко ценю Сергея Петровича Кобелева, который тогда, в свои практически детские 14-15 лет, стал для нас не просто авторитетом, но и тренером, и воспитателем, и наставником. Часто задаюсь вопросом, что было бы с нашей маленькой шайкой деревенских сорванцов, будь в роли нашего вожака не он, а герой гайдаровского романа «Тимур и его команда» – Мишка Квакин?

Папа мой, Андрей Иванович Кобелев, когда лет ему было уже, как и мне сегодня, любил частенько вспоминать, с чего это я, в его понимании, вырос таким «достойным». «Это все он – Сережка! Куда Вася пошел – к Сережке, откуда Вася пришел – от Сережки, что Вася днем делал – соревновались с ребятами у Сережки... Это не мы с матерью тебя вырастили – Сережка вырастил!!!» В сентябре Сергею Петровичу Кобелеву исполнится 82 года. Со своей возлюбленной из нашей же деревни Верой Андреевной, в девичестве Лубовой, за 60 лет совместной жизни вырастили троих детей, накопили полдюжины внуков, а выйдя на пенсию, вернулись в наши осиротевшие Притыки, обосновавшись в знаковом и единственном здесь кирпичном доме.

Капля в море, но капля, достойная нашей гордости

В конце 50-х годов деревня наполнилась разнообразными слухами, домыслами и невероятными мистическими прогнозами: что спрятано под деревней. На местном летнем пастбище, а зимой просто продуваемом всеми ветрами косогоре появились невиданные здесь ранее буровые установки. С грохотом и лязгом вгрызаясь в каменистую землю, они выдавливали наверх разноцветные каменные столбики керна. Вскоре выяснилось: притыкинские

недра богаты нефтью. Первые насосные станции и нефтепроводы, окружив деревню десятками установок, появились у нас только в 60-х годах. Сегодня Притыки уже можно называть ординской нефтяной сокровищницей. Это не Баку, конечно, и даже не соседнее Карьево, но то, что недра здесь выдали стране миллион тонн черного золота – капля в море от общей добычи в стране, - но факт неоспоримый и результат, достойный гордости.

Люди продолжали растить хлеб и развивать животноводство, причем многие жители деревни в те годы достойно отмечались в районе как передовики. Помню не всех, но не могу не назвать имя доярки Ефросиньи Кирилловны Павленко, многолетней чемпионки района по надоям и тракториста, а потом бригадира тракторной бригады Ивана Кузьмича Кузовлева. Летний сезон 1965 г. перед выпускным классом, я работал у Ивана Кузьмича прицепщиком, на самом деле своеобразным вторым тракторным «пилотом». И пахал, и культивировал самостоятельно, благо, и ныне в солидном возрасте здравствующий, мой наставник любил вздремнуть, особенно ночью, и весьма охотно и частенько это делать мне доверял. Здоровья ему!

Буду рад, если вместе со мной кто-то вспомнит, когда и как пели в Притыках первые петухи...

Вспомнил о чудесных летних вечерах, когда наш возмужавший тренер и наставник Сергей Кобелев стал на общественных началах заведовать клубом, чудесным образом, восстановленным из полуразрушенной часовенки. Тогда Притыки в погожее время несколько лет подряд становились не только перекрестком восьми дорог, но и притягательным местом знакомства, центром спортивных развлечений и культурного отдыха молодежи со всех окрестных деревень. Как только коровье поголовье возвращалось с покотины и рассасывалось по хозяйским загонам, сюда съезжались на велосипедах и сходились пешком окрестные гости, подруливала местная молодежь. Неизбывная традиция – коллективная игра в волейбол. Играть, конечно, не умел никто, от слова совсем, но играли и парни, и девушки, сбившись в большой разноцветный от девичьих подолов круг. Тут же под ногами у старших крутились и мы, пацаны, подростки к тому времени. Девочки - сверстницы наши, похорошевшие и выглядевшие уже не серыми уточками, тоже сюда подтягивались. Потом в сгустившихся сумерках под звучащие из хриплого проигрывателя виниловых хитов того времени начинались танцы. Подчеркну, это были настоящие танцы – парами, без толчеи, кривляний, ужимок и прыжков.

До первых петухов гулянье чаще всего не доходило, хотя и бывало. Всем участникам вечеринки, включая нас, мелких, с утра надо было выходить на работу, причем кому-то с зарей. Деревня тревожно засыпала, влюбленные

парочки таяли из виду, а затертые пластинки с популярной «Ямайкой» от Робертино Лоретти и загадочной африканской «Килиманджаро» - горой надежды, дружбы, веры и любви - оставались томительно ждать следующего погожего вечера.

История одного фото. 1963г. На колхозные праздники, организуемые правлением колхоза «Правда» после окончания посевной кампании, мы выходили всей деревней и непременно в лучших своих нарядах. Праздники, как правило, проходили на липовых елянях близ Притык. Выступления артистов самодеятельности Ординского ДК, несмотря на их незатейливость, были популярны. Здесь меня окружают добрые друзья Анатолий Егорович Кузовлев и Иван Богомолов, сестры Вера и Шура Кобелевы, Вера Лубова и малец – его звали Витей, - если не ошибаюсь, племянник Кобелевых.

Спасибо деду за Победу!

Не помню точно когда, но с возрастом стал осознавать, что деревня наша не только по определению женского рода, но и население ее в основном тоже рода женского. Мужскую часть проживающих здесь жителей составляли несколько заматеревших молодых людей возрастом от тридцатых годов, пара специалистов, оставленных по брони на колхозном хозяйстве и бывшие фронтовики, чаще всего инвалиды, комиссованные в военное время и солдаты, вернувшиеся домой после окончания боевых действий на фронтах Великой Отечественной войны. Именно они в то очень непростое для села военное и послевоенное время стали для селян надежной опорой, укрепляли веру в возрождение, сами трудились, как могли.

И сегодня, вспоминая деревню тех лет, не могу не назвать их имена, чтобы почтить святую память о ветеранах, тех, кого знал. Они давно ушли от нас, но их имена навечно останутся потомкам в строю почетного Бессмертного полка:

Кобелев Александр Иванович, Кобелев Александр Николаевич, Кузовлев Александр Андреевич, Кобелев Александр Афанасьевич, Шляпников Прокопий Степанович, Кузовлев Егор Иванович, братья Кобелевы Михаил Степанович и Петр Степанович, Кобелев Андрей Иванович, Кузовлев Федор Никанорович, Кобелев Василий Степанович, Шляпников Григорий Иванович. Вечная слава вам и всем моим землякам, кто с этой войны не вернулся!

... Да, время идет быстро. Даже то время, что я отвел себе на детские свои воспоминания, пролетело как миг. Но всему есть предел, размер этого выпуска, например, или даже просто людское терпение тех, кто отважился прочитать всё вышенаписанное.

Скажу откровенно: мне порой тоскливо и одновременно приятно было отправиться в прошлое, вспомнить события, дорогих сердцу людей, просто сверстников и старших жителей Притык, улыбнуться, погрустить и

соприкоснуться с ними, а заодно взбодрить разленившийся на пенсии мозг, помочь надежнее стучать уставшему сердцу. ... Март, 2024

Фамилия – личная история человека

...Ординский район в течение ряда столетий заселялся выходцами из разных мест – Чердыни, Устюга, Белого Озера, Мезени, Новгорода, центра и юга России. Здесь отдельными небольшими островками проживали татары, удмурты, мари, коми и люди других национальностей.

Сквозь лесные дебри, болота, порой переходя небольшие речки вброд, сюда, спасаясь от тирании и помещиков-крепостников, пробирались, устраивались на житье Кошкины (беглецы). Беглый удмурт по прозвищу Киска (кобель), первоначально устроившийся недалеко от города Осы, в деревне Притыки решил сменить свое временное место жительства, так как жить в соседстве со своими братьями - удмуртами было небезопасно. По этому поводу селькор В. Кобелев в Ординской районной газете «Верный путь» от 28 мая 1966 г. не без основания писал: «Более двух веков тому назад одна семья Кобелевых (Киски) однажды по неизвестной нам причине покинула город Осу (деревню Притыки) и, прихватив с собой домашнее имущество, тронулось в далекий путь. Кобелевы (Кискины) предприняли свое необычное путешествие в лодке, куда погрузили детей и необходимый скарб. Путь Кискиных (Кобелевых) на лодке завершился у села Старый Посад, а затем на лошади или пешком к новому месту жительства. Так возникла новая деревня Притыки Старопосадского прихода Ординской волости. Современная фамилия Кошкиных - это русская переделка удмуртских терминов Кошкын, Кошкись (беглец, бежать) и Киски (кобель).

Новые поселенцы вскоре попали в крепостные к Мухрину, по имени которого до отмены крепостного права иногда называлась деревня (Мухриной).

Фамилия Кобелевы одна из первых известных нам в деревне Притыки. Точной даты прибытия Кобелевых не сохранилось. Согласно данным Старопосадской церкви, в 1699—1705 гг. здесь уже проживал Федор Кобелев. Безусловно, в то время проживал в деревне не он один, дворов было больше, но, к сожалению, данными мы не располагаем. Взять хотя бы 1786—1790 гг. В то время Кобелевы в деревне проживали уже в двух дворах. А всего в деревне насчитывалось 15 дворов. Кроме Кобелевых, в тех дворах проживали Кузовлевы, в одном — Гагилевы. С постройкой медеплавильного завода в Ашапе деревня была приписана к заводу. В связи с этим несколько человек из бывших «Кошкынов и Кискиных» оказались среди русских рабочими на заводе. Так возникла вторая фамилия — Кошкины.

Орда. Преображение. – СПб: «Арт-Экспресс», 2016. – с.251- 252

1958 год. Усадьба Лубовых

1976 год